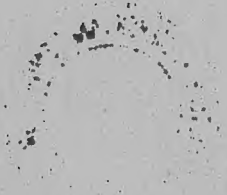
В37
409

Борисъ Демчинскій

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛЪ ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Бунд.



В37/409

Борисъ Демчинскій

X

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛЪ ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
702827

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время", Эртелевъ, 19

Сокровенный смыслъ войны.

I.

Въ городахъ Европы не хватаетъ траурнаго крепа, онъ весь на исходѣ, несмотря на то, что Англія его не носитъ, боясь внѣшнимъ видомъ обнаружить печаль. Нельзя постичь всей скорби, которая сейчасъ на землѣ, а если избраннымъ натурамъ и удавалось вмѣстить въ своемъ воображеніи хотя-бы часть всѣхъ слезъ и стоновъ, то неизбѣжнымъ концомъ такой попытки было безуміе. Не такъ давно въ Парижъ вернулся съ позицій аббатъ, — говорили что сумасшедшій, — онъ благословлялъ послѣ одного изъ сраженій братскую могилу въ шесть миль длины и двадцать аршинъ ширины, гдѣ мертвые лежали одинъ надъ другимъ, въ нѣсколько рядовъ. Въ братскихъ могилахъ, какъ извѣстно, мертвый не имѣетъ иного покрова кромѣ земли и внизу тоже земля, но, несмотря на эту простоту погребенія, во всѣхъ странахъ возникла новая отрасль народнаго труда—гробы. Сколько же нужно гробовъ? И костылей тоже не хватаетъ, хотя цѣлые поселки сидятъ надъ ихъ выдѣлкой. Сдѣлать деревяшку

или палку для калѣчнаго — вѣдь это всего полчаса, не больше, но не поспѣваютъ. «Жертвуйте костыли и посохи» — вотъ призывъ одного изъ плакатовъ послѣдняго времени... Сколько же ногъ разбросано на поляхъ,—оторванныхъ человѣческихъ ногъ?

Нельзя постичь всей скорби и, кажется, не избыть ее никогда, не развѣять. Но вотъ странность: необъятную скорбь превозмогаетъ праздникъ, будто ждутъ радости неизмѣримо бо̀льшей, чѣмъ печаль. Даже безногій, на долю котораго быть можетъ не хватило костылей—и тотъ чему-то радуется и тоже осѣненъ предчувствіемъ праздника. Опять непостижимая тайна! Загадочнѣе всего, что у радости нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ очертаній, но она, даже не оформившись изъ общихъ предчувствій, покрываетъ скорбь, которая, наоборотъ, слишкомъ явно выступила, не таясь. Обычно, если причины скорби и радости равноцѣнны, то верхъ беретъ всегда скорбь, а здѣсь все идетъ какъ-то по другому, будто законы психологіи на время отступили отъ жизни и не подвластна имъ стала переживаемая теперь историческая минута. Раньше они дѣйствовали въ полную силу и потомъ, вѣроятно, вступятъ въ свои права, только не теперь, не сейчасъ. Съ такимъ парадоксомъ исторія еще никогда не встрѣчалась.

Я пытался изслѣдовать причины ликованія, спрашивалъ у многихъ, но неизмѣнно встрѣчалъ безотчетно-радостное настроеніе, какую-то благодать, которая просто влечетъ къ себѣ, не требуя разсужденій, и сама не подсказываетъ никакихъ доводовъ. Вѣроятно, такое же чувство

бываетъ, когда ждутъ чуда,—не разсуждаютъ, не ищутъ обоснованій, но безпричинно счастливы. Въ этомъ счастьи нѣтъ опредѣленной свѣтящейся точки, оно повсюду развѣяно и всѣхъ пронизываетъ своей невидимой эманаціей. Все въ наитіи и блаженныхъ предчувствіяхъ.

Никакія услады разсудка не сравнятся съ этимъ чувствомъ, которое ничего не знаетъ, да и не хочетъ ничего знать, кромѣ радостнаго напѣва. Но, къ сожалѣнію, для тѣхъ, кто безнадежно отравленъ разсужденіями и уже не способенъ черпать счастье изъ весенняго воздуха,—радостное настроеніе должно быть поддержано доводами, особенно теперь, когда на одной чашѣ вѣсовъ—столько гибнущихъ, а на другой—ничего реальнаго, кромѣ лучезарныхъ предчувствій. Вѣдь нельзя же забывать, что у разсуждающихъ тоже есть своя изступленность, свои точки кипѣнія,—когда мысль оказывается безсильной сдернуть пологъ, окутывающій тайну.

И вотъ теперь передъ ними загадка: откуда эта радость, гдѣ ея истоки, незримые и, повидимому, неисчерпаемые? Она не видна, но ея хватаетъ на всѣ страны, на сотни милліоновъ людей. Предчувствія не обманываютъ толпу — это ясно, но тогда, гдѣ же свѣтлый призракъ, приближеніе котораго уловлено нервами? Онъ еще только идетъ, еще не сгустилъ своего сіянія въ бѣлоснѣжную одежду, никакихъ очертаній не видно, а въ честь его уже слагается «Осанна». И такъ безгранична, такъ чудесна довѣрчивость толпы, что даже не ищутъ увидѣть его очертаній, знаютъ только, что война расчищаетъ его путь, народы столкнулись, погибая, и все для

того, чтобы надъ землею раздалось какое-то новое слово. Одно несомнѣнно: это должна быть благая вѣсть всему міру.

Для разсужденій, а пожалуй и для чувства, война создала еще одну заботу: установить, что жертвы соотвѣтствуютъ грядущему благу. При такой проблемѣ вырастаютъ и новыя требованія, которыя обязываютъ не только примириться съ событіями, но и доказать ихъ цѣлесообразность, чтобы въ конечномъ итогѣ было возстановлено равновѣсіе между безчисленными жертвами и предстоящимъ творческимъ словомъ. «Око за око, зубъ за зубъ»... Сама исторія шла по этой заповѣди, придирчиво слѣдя за равновѣсіемъ, и развѣ теперь мы не въ правѣ, выдавая чудовищный задатокъ подъ неизвѣстныя еще цѣнности, требовать, чтобы плата соотвѣтствовала пріобрѣтенію? Иначе, почти невозможно жить, когда надъ нами будетъ рѣять столько савановъ, требуя искупленія... Ни одна смерть, ни одна рана и ужъ, конечно, ни одинъ кусокъ крепа не могутъ остаться какъ излишекъ, неосторожно отхваченный судьбой и затѣмъ не пригодившійся въ предстоящемъ творчествѣ исторіи. Смерть обновляетъ, когда она искуплена, и мститъ, если ей суждено повиснуть въ пространствѣ, не найдя пристанища въ общей гармоніи вселенной.

Такъ и здѣсь, въ этой войнѣ, мало сказать, что послѣ войны жизнь будетъ вообще легче,— это было бы издѣвательствомъ надъ погибшими. Для устраненія изъ міра чего-то лишняго, для его провѣтриванія не могло потребоваться такихъ ужасовъ, которые подъ стать только бре-

довой фантазіи. Поджечь домъ, желая освободить комнаты отъ сора, — не проще ли тогда вымести комнаты? И такъ же безразсудно было бы, во имя частичнаго просвѣтлѣнія жизни, поджечь половину земного шара и потрясти всѣмъ человѣчествомъ, до дикихъ племенъ включительно.

Исторія не склонна къ безразсуднымъ кутежамъ, ея «дебетъ» и «кредитъ» всегда въ безупречномъ порядкѣ. Надо только найти ключъ къ ея «книгамъ», чтобы приблизительно узнать цифру, которая будетъ уплачена за наши жертвы, и когда найдемъ и увидимъ, что обѣ графы могутъ быть сбалансированы, тогда вновь увѣнчаемъ, какъ прежде, «торжественную и закономѣрную поступь исторіи» и, сами трепещущіе отъ ея величественнаго движенія, скажемъ всѣмъ, кто преисполненъ печали: «радуйтесь съ нами, потому что найдено искупленіе для скорби»! И они будутъ радоваться въ своемъ подвигѣ, какъ св. Перепетуя, на аренѣ цирка, когда ее терзали львы, а она закалывала свои пышные волосы, чтобы даже и тѣни скорби не было на ея лицѣ, но одно только сіяніе.

Изъ немногихъ признаковъ, на основаніи которыхъ возможно было бы построить обобщающіе выводы, нѣтъ признака вѣрнѣе, чѣмъ окрѣпшая во всемъ мірѣ ненависть къ Германіи. На одномъ полюсѣ—человѣчество, на другомъ—Германія, а между ними разверзлась пропасть, которую уже нельзя выровнять, даже перекинуть моста нельзя, настолько раздвинулись два края бездны. Въ области духа Германія заняла островное положеніе и никто не вѣдаетъ, суждено ли

ей будетъ впослѣдствіи связаться съ материками, но ни одно государство уже не хочетъ этой связи. Мы тоже возненавидѣли Германію, быть можетъ, болѣе глубоко и убѣжденно, чѣмъ другіе, съ оттѣнкомъ суевѣрнаго ужаса, потому что болѣе другихъ любовались нашимъ западнымъ сосѣдомъ и паломничали къ нему, надрываясь въ подражаніи его культурному облику.

Вчера еще любовались, а сегодня уже возненавидѣли — въ этомъ надо открыто покаяться, если хотимъ постигнуть до конца чудотворность наступившихъ событій. Но кому другому, а ужъ намъ-то конечно не страшно никакое покаяніе— это вѣдь наша природная черта. Не мы ли, черезъ Огарева, цѣловали землю на Поклонной горѣ, а затѣмъ, въ лицѣ Раскольникова, предавались неистовымъ восторгамъ покаянія и въ этомъ видѣли особый культъ, особую усладу? Нельзя, конечно, отрицать, что въ этихъ порывахъ умиленія мы были сродни Ильѣ Муромцу, не знавшему куда избыть излишки силъ, и не угадывали еще въ тѣ времена, не предчувствовали, что близокъ часъ, когда намъ суждено будетъ пройти въ суровую исповѣдальню, чтобы тамъ одѣть вериги и покаяться, но на этотъ разъ уже безъ всякаго паѳоса, безъ тѣни самолюбованія.

Изслѣдуя причины нашей ненависти къ Германіи, нельзя обойти молчаніемъ одинъ изъ законовъ біологіи, который устанавливаетъ, что самая неистовая вражда возникаетъ обыкновенно между ближайшими видами. При расходимости признаковъ, а тѣмъ болѣе при полномъ ихъ несходствѣ легко достигается мирное

существованіе видовъ, но когда ихъ роднятъ общіе признаки, тогда разгорается смертельная ненависть. Какъ курьезный, хотя и тусклый, отголосокъ этой борьбы, у человѣка еще осталось презрительное отношеніе къ обезьянѣ, которая въ представленіи людей только потому и кажется самымъ уродливымъ существомъ на свѣтѣ, что слишкомъ близка человѣку по своему внѣшнему облику.

Никогда различіе признаковъ нельзя проклясть съ такимъ остервенѣніемъ, какъ ихъ сходство. Въ этомъ — законъ біологіи, который охватываетъ не одну только мышечную борьбу, но распространяется и на соревнованія высшаго порядка, хотя, конечно, требуетъ существенныхъ поправокъ, когда возникаетъ вопросъ о причинахъ психологическаго столкновенія народовъ. Здѣсь уже не можетъ имѣть рѣшающаго значенія сходство признаковъ вообще; необходимо сходство отрицательныхъ признаковъ, чтобы ненависть наросла до крайнихъ предѣловъ. Нѣтъ основаній къ взаимной враждѣ двухъ народовъ, если общей ихъ чертой является великодушіе или иной признакъ, столь же возвышенный. Но когда одинъ народъ подражаетъ другому, а затѣмъ неожиданно выяснилось, что тѣ свойства, которыя копировались какъ образецъ совершенства, оказались чудовищнымъ уродствомъ,— тогда несомнѣнно имѣются всѣ данныя, чтобы проклинать сходство признаковъ до самозабвенія. Въ частности, наше непримиримое отношеніе къ Германіи вызвано не чѣмъ инымъ, какъ общностью тѣхъ признаковъ, которые теперь, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, мы сами

безповоротно осудили, прозрѣвъ ихъ злокачественность.

Въ высшей степени интересно, что общественное мнѣніе, въ какомъ-то интуитивномъ озареніи, сразу разгадало это «сходство признаковъ», и теперь занято вытравливаніемъ въ себѣ всякаго подражанія нѣмцу, который сталъ страшенъ уже не какъ физическая мощь, а какъ растлѣвающій духъ, способный проникать сквозь щели и вліять невидимо, неощутимо, какъ испаренія болотъ. «Я былъ нѣмцемъ» — вотъ самый яркій аншлагъ, перекинутый черезъ улицы, и подъ него идутъ теперь кающіяся толпы, чтобы въ самобичеваніи смыть съ себя былое подражаніе Германіи. Это одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій нашего времени—безошибочный діагнозъ, а затѣмъ и массовый навалъ на «сходство признаковъ». Быть можетъ еще замѣчательнѣе, что къ правильному выводу общественное мнѣніе подошло явно невѣрными путями. Брело гдѣ-то по проселкамъ, кружило въ зарослях, а потомъ какъ-то сразу вышло на широкую дорогу, на «большакъ», откуда открылся широкій кругозоръ и отчетливо обозначались дали.

Начали съ того, что Германію «взяли въ кулаки» за ея неслыханныя звѣрства и предательства, упустивъ изъ виду, что никогда мы не могли ненавидѣть ни за звѣрство, ни за предательство, потому что сами были слишкомъ чужды этихъ свойствъ. Смотрѣли сверху внизъ, какъ смотрятъ съ вершины горы на темныя ущелья, а иногда даже не въ силахъ были вытравить въ себѣ симпатіи ни къ звѣрямъ, ни къ предателямъ. Никто лучше Австріи не разу-

чилъ роли предателя Россіи, но почему до сихъ поръ не можемъ мы расколыхать въ себѣ ненависти ни къ «апостолическому величеству», ни къ его народу. Никогда мы не питали ненависти къ туркамъ, хотя они и сейчасъ готовы вырѣзывать ремни изъ плѣнныхъ, точно также какъ не проклинали китайцевъ, изувѣрство которыхъ надъ нашими солдатами въ боксерскомъ возстаніи было до того чудовищно, что средневѣковый инквизиторъ могъ бы только конфузливо извиниться за свою неподготовленность — настолько его искусство казалось наивнымъ и не продуманнымъ по сравненію съ пытками китайцевъ. Я вспоминаю какъ характерный эпизодъ, что, во время японской войны, одинъ китайскій сановникъ, начальникъ большой тюрьмы около Гунжулина, приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и, въ видѣ неотразимой приманки, обѣщалъ, что за ликеромъ онъ продемонстрируетъ мнѣ всѣ китайскія пытки на пятнадцати заключенныхъ, которые тутъ же и будутъ замучены на смерть. До такой гастрономіи въ звѣрствахъ нѣмцу далеко, а между тѣмъ мы его возненавидѣли, а Турціи и Китаю отпустили всѣ ихъ тяжкія прегрѣшенія.

Искать въ этомъ направленіи причину нашего осужденія Германіи было бы грубой ошибкой, но тѣмъ изумительнѣе, что, продвигаясь именно въ эту сторону, общественное мнѣніе овладѣло правильнымъ выводомъ, когда покаялось въ нѣкоторомъ «сходствѣ признаковъ» у насъ съ Германіей. Какое-то сродство съ нею больше всего мутило, что-то неразрывное и роковое, будто Россія была лишь молодымъ по-

бѣгомъ отъ того корня, который вскормилъ Германію... И, конечно, не въ ея звѣрствахъ почерпнули мы силу отталкиванія, но въ ея культурѣ, которая является вмѣстѣ съ тѣмъ и западной культурой вообще. Мы возненавидѣли нашего вчерашняго поводыря, который обольстилъ насъ великолѣпіемъ западной культуры, ея пластическими формами, ея внѣшней гармоніей, тогда какъ внутри этой красивой фата-морганы была пустота и бездушіе. «Въ преисподню низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобой подстилается червь, и черви—покровъ твой»!

Мы брели за этимъ внѣшне прельщающимъ миражемъ, пока, наконецъ, такой огромный и нежданно блеснувшій маякъ, какъ война, не пріостановилъ нашего движенія. И въ этомъ новомъ освѣщеніи манившій насъ миражъ сразу потерялъ свое обаяніе и тогда мы его прокляли. Это не было проклятье ренегата, предавшаго свою вчерашнюю мечту, но справедливый гнѣвъ богоносца, случайно убѣдившагося, что его влекли въ вертепъ, тогда какъ обѣщаны были алтари. Народъ богоносецъ въ испугѣ шарахнулся въ сторону—у него хотѣли отнять его святыни. И еще потому проклятья были такъ гнѣвны, что мы озлобились, вспоминая, что, наканунѣ спасительныхъ событій, готовы были добровольно промѣнять свои святыни на мишурный блескъ Запада.

II.

Покаяніе Запада въ ложности своего историческаго пути донеслось прежде всего изъ Англіи, которая заметалась отъ удушья, чувствуя, какъ ее давитъ господствующая культура своимъ безъисходнымъ матеріализмомъ. Со всей ясностью англійскаго мышленія былъ формулированъ приговоръ надъ Западомъ: «мы всегда стремились—говорятъ англійскіе писатели—къ матеріализаціи духа, Россія же, наоборотъ, посвящала свои силы одухотворенію матеріи». Такъ намѣчаетъ Англія границы пропасти, дѣйствительно огромной и притомъ давнишней, особенно если вмѣстить въ кругозоръ не одно только преддверіе Востока, но и глубокій Востокъ, который въ еще большей степени, чѣмъ Россія, отличался отъ Запада по своимъ міровоззрѣніямъ.

Съ Востока всегда шли предостереженія отъ чрезмѣрнаго увлеченія матеріализмомъ. Въ центрѣ вселенной—говорилъ Востокъ—стоитъ таинственный и не познаваемый, и отъ него исходятъ волны, сначала чистыя, но чѣмъ дальше отбѣгаютъ онѣ отъ своего первоисточника, тѣмъ матеріальнѣе онѣ становятся, пока, наконецъ, не застреваютъ въ грубой матеріи. Послѣдующее развитіе этой идеи въ каббалистической философіи создало демона Самаэля, какъ враждебное Духу воплощеніе матеріи, а еще позднѣе, въ первые вѣка христіанства, гностическія секты, ученіе которыхъ было признано ересью, исповѣдывали, что въ матеріи—гнѣздилище зла и что

Деміургъ, какъ властитель матеріи, является сатаною. Но не только высшія цивилизаціи улавливали непосредственную связь между матеріализмомъ и паденіемъ человѣка.—На южномъ берегу Явы съ незапамятныхъ временъ вѣрятъ въ существованіе злого чудовища Ни-бело-ранга, который расточаетъ людямъ богатства, чтобы потомъ опустошить ихъ душу.

Какого Бога исповѣдывалъ Востокъ—установить невозможно, потому что тамъ ощущеніе Бога всегда преобладало надъ догмой. Религія, въ своей основѣ, была изумительно свободной и если впослѣдствіи жреческое сословіе развѣтвило идею Бога въ весьма сложной генеалогіи, и, въ результатѣ, приставило къ каждому дѣянію человѣческому особаго бога-покровителя, то даже и это не помѣшало Востоку пробраться черезъ лабиринты вѣроученій, чтобы въ концѣ концовъ устремить свой взглядъ къ звѣздному небу, откуда волна за волной струилась духовная эманація. Въ созерцаніи познавался Богъ. Прильнуть къ тайнамъ его видимаго творчества—значило прикоснуться къ нему самому, трепетать отъ молитвеннаго настроенія—значило молиться.

Гармоничныя созвучія души—вотъ что было Богомъ; кромѣ этого онъ не имѣлъ никакихъ болѣе ясныхъ очертаній. Достаточно сказать, что Китай не знаетъ слова Богъ и обозначаетъ Верховное Существо словами: «одинъ» и «великій», что символизируетъ безпредѣльность небосвода. Даже впослѣдствіи, при возникновеніи таоизма, «*тао*» обозначало «путь» или «дорогу», а когда въ еще позднѣйшія времена Чи-Кай основалъ

школу созерцательнаго буддизма, то въ его ученіи вся природа являлась отголоскомъ божества, которое даетъ свои знаменія въ шумѣ водопадовъ, въ едва слышномъ теченіи рѣки, въ шелестѣ листьевъ на деревьяхъ. Еще характернѣе въ этомъ отношеніи книги Ведъ, гдѣ поиски Бога перебиваются сознаніемъ, что онъ неуловимъ, непостигаемъ. Онъ существуетъ, какъ тайна, навсегда скрытая отъ глазъ человѣка пологомъ звѣзднаго неба. За утвержденіемъ слѣдуетъ вопросъ:

«Онъ Богъ одинъ, онъ—Богъ между богами!..
Кто этотъ Богъ, что-бъ принесли мы жертву»?

Другіе народы Востока еще сильнѣе сгущали тайну надъ невѣдомымъ и сами набрасывали покровъ на предвѣчное начало, ограждая его отъ грубаго прикосновенія толпы. Ассиро-вавилонскій богъ Эа, господь сокровеннаго и, къ слову сказать, покровитель художниковъ, не могъ быть написанъ иначе, какъ только ребусомъ. «Пути къ Богу такъ же многочисленны, какъ дыханія людей»—училъ Баязитъ, пророкъ суфитовъ,—и, въ защиту свободной вѣры, говорилъ: «нѣтъ другого Бога, кромѣ того, который находится подъ моей одеждой». При такой невыясненности центральнаго божества, возникало представленіе о единой Тайнѣ, къ которой и возносилась душа человѣка, съ ея грезами и печалью.

Признавая матеріальные порывы за навѣты низшаго существа, Востокъ устремилъ свой взглядъ къ небу и тамъ, въ голубыхъ эфирахъ, искалъ услады и спокойствія. Онъ находилъ особое очарованіе въ меланхолическомъ напѣвѣ

алмей, около тѣлъ умершихъ, онъ понималъ, что мучительный стонъ Вальмики, автора Рамайяны, могъ превратиться въ мелодію—вѣдь страданія, если къ нимъ близко приникнуть, ведутъ къ экстазу, вѣроятно не меньшему, но, безспорно, болѣе глубокому, чѣмъ вакхическое самозабвеніе Запада. Въ видѣ попутной ремарки слѣдуетъ упомянуть, что и Востокъ не уберегся отъ вѣяній матеріализма, но это были отдѣльныя струйки въ общемъ потокѣ, а не господствующее теченіе. Такъ, Японія послѣ послѣдней революціи перечеканила колокола многихъ буддійскихъ монастырей на звонкую монету. Въ Индіи установлена такса по 25 рупій за воду, въ которой мылся магараджа и которую пьютъ вѣрующіе для предотвращенія всякихъ напастей. Въ ритуалъ пріема у тибетскаго далай-ламы включено приношеніе драгоцѣнныхъ подарковъ, а въ сѣверномъ Китаѣ статуи боговъ дѣлаютъ съ пустыми головами, тогда какъ брюшные органы окутываютъ шелкомъ и наполняютъ мѣшками съ золотомъ, жемчугомъ и пятью главными хлѣбами. Фараонъ XI династіи Аменемхетъ, гордый своими богатствами, бросалъ вѣчности одинъ вызовъ за другимъ: «я выстроилъ дворецъ,—говорилъ онъ,—и покрылъ его золотомъ, сдѣлалъ двери изъ бронзы. Соорудилъ навѣки: вѣчность пугается золота» [1].

1 Если-бы зналъ этотъ фараонъ, чего въ дѣйствительности пугается вѣчность, онъ пришелъ бы въ отчаяніе. Отъ его золотого дворца и бронзовыхъ дверей не осталось и слѣда, зато въ недавнее время изъ развалинъ Египта было извлечено 77 папирусовъ, которыхъ испугалась вѣчность и сохранила ихъ для потомства. Англійскій египтологъ Грифичъ, въ сотрудничествѣ со

Все это вѣрно, и много еще тѣневыхъ особенностей можно привести, но одинокія мутныя струйки теряются въ прозрачномъ потокѣ Востока, если смотрѣть на него съ птичьяго полета. Даже страны, которыя, казалось, изстари были заражены матеріализмомъ, въ дѣйствительности оставались чуждыми корысти, отдавшись жизни Духа. Такъ, относительно Китая, гдѣ, съ перваго взгляда, населеніе можетъ поразить своими коммерческими сноровками, мнѣ встрѣтился интересный документъ, авторомъ котораго является одинъ изъ самыхъ прозаическихъ людей Поднебесной Имперіи, не склонный ничего поэтизировать, а потому заслуживающій особаго вниманія при выясненіи духовныхъ свойствъ народа. Разсудительный реформаторъ XI вѣка Вань-ань-ши былъ дѣйствительно далекъ отъ духовныхъ призывовъ,—онъ даже не нашелъ ничего лучшаго, какъ восхвалять богдыхана за его безразличное отношеніе къ красотѣ. «Вы не славились, какъ поклонникъ звуковъ и красоты»,—писалъ онъ богдыхану въ своемъ второмъ всеподданнѣйшемъ докладѣ—«но разъ небо наградило васъ талантами мудреца, то люди надѣются, что на нихъ польются благодѣянія». И вотъ, этотъ прозаикъ, ратующій противъ звуковъ и красокъ,

своими коллегами, затратилъ 10 лѣтъ жизни на расшифровываніе таинственныхъ манускриптовъ. Въ результатѣ оказалось, что это были счета отъ портныхъ, расчетныя вѣдомости съ прислугой и пр., словомъ весь тотъ мусоръ, который у насъ въ обиходѣ выбрасывается въ корзины подъ столомъ. Вотъ чего испугалась вѣчность! Съ прихотливымъ, почти капризнымъ своеволіемъ, она погубила золотой дворецъ фараона, бережно раздвинувъ вѣка для выброшеннаго хлама.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

приноситъ, въ сокрушеніи сердца, жалобы богдыхану на недостаточное развитіе матеріализма среди населенія: «презрѣніе къ богатству и знатности, безразличіе къ смерти и къ жизни, спокойное отношеніе къ бѣдности и низкому соціальному положенію приведутъ къ тому, что награды и пожалованія, даруемыя государями, потеряютъ значеніе»... Такое же преобладаніе духовности, внушившее тревогу первому сановнику Китая, наростало и въ другихъ странахъ Востока. «Будьте сами для себя и свѣтильникомъ и убѣжищемъ»—училъ Будда, а затѣмъ указалъ людямъ лѣстницу изъ восьми ступеней, по которой можно было подняться къ Предвѣчному. И восьмая ступень призывала къ «правильному созерцанію глубокихъ тайнъ жизни».

Если на вершинѣ религіозной мысли стоитъ «созерцаніе», то тѣмъ самымъ предрѣшается отходъ отъ земли куда-то вдаль отъ утилитаризма, отъ государственности. Въ сторону Духа клонились ученія Востока, пытаясь даже установить гармоничное соотношеніе между духовностью и матеріализмомъ во внутреннемъ мірѣ человѣка. Легендарный герой Египта, премудрый тайновидецъ Гельгамешъ былъ на двѣ трети богомъ и на одну треть человѣкомъ; Китай поклоняется небу три раза, а землѣ два раза въ годъ; по ученію Будды, человѣкъ достигшій совершенства, одну четверть себя отдаетъ уму, а три четверти — идеямъ добра... Въ такомъ видѣ намѣчались числовыя изображенія внутренней гармоніи, но, несомнѣнно, всѣ они должны были съ теченіемъ времени видоизмѣниться подъ вліяніемъ основного религіознаго мотива, который

внушалъ, что нѣтъ явленія болѣе скорбнаго, чѣмъ рожденіе человѣка, и потому вся жизнь должна быть посвящена освобожденію души отъ рабскаго союза съ тѣломъ.

Тоскующія ноты Экклезіаста манили Востокъ «роскошью печали», и такъ велико было это очарованіе, что цѣлые города Вавилоніи—Ларса, Сипаръ и Тигабба назывались не иначе, какъ «городами преклоненія головы». Не смѣли выпрямить голову, не дерзали, памятуя, что надъ всѣми рѣетъ смерть... И чтобы непрестанно напоминать о «суетѣ суетъ», страны Востока возвели созерцаніе въ священный культъ, которому должны были слѣдовать всѣ посвященные, не исключая и высшихъ жрецовъ. Такъ, въ Тибетѣ во дворцѣ далай-ламы вынута четвертая стѣна, чтобы всегда видѣлъ верховный жрецъ, какъ оживаетъ земля и умираетъ, какъ чередуется восходъ и закатъ и все обречено на погибель. На вершинѣ скалы построенъ этотъ дворецъ и самъ онъ въ девять этажей — сверху видна вся долина рѣки Кьи-чу и большой городъ и монастыри и темносиніе отроги горныхъ кряжей на горизонтѣ... Вся жизнь видна. Перекатываются волны жизни, падаютъ и вновь наростаютъ... Даже англійскій шпіонъ индусъ Саратъ-Чандра-Дасъ, пробравшійся въ Лхасу на пріемъ къ далай-ламѣ и описавшій потомъ свое путешествіе въ весьма содержательной книгѣ, — даже и онъ былъ подавленъ величіемъ развернувшейся картины, хотя, конечно, не упустилъ случая тутъ же сунуть въ руку тибетскому первосвященнику слитокъ золота.

Нигдѣ идея любви не пробивалась въ такой полнотѣ, какъ на Востокѣ, и, что замѣчательнѣе всего, загробный міръ съ его запугиваніями имѣлъ самое незначительное вліяніе на проявленія добра. Царь Сидонскій Эсмуназаръ сдѣлалъ безконечное количество добра, не питая ни малѣйшей надежды на загробную жизнь. Въ Индіи секта Джайновъ покидаетъ дома не иначе, какъ съ завязаннымъ ртомъ, чтобы не вдохнуть случайно какой-нибудь мошки, не погубить ее, потому что у каждой твари есть душа. Въ изящной Бирмѣ, которая не знаетъ иной жертвы богамъ, кромѣ цвѣтовъ, не убиваютъ даже дикихъ звѣрей, производящихъ опустошеніе въ селахъ, а въ Китаѣ заповѣди Лао-цзы запрещаютъ бросать камни съ горъ, чтобы не задѣть ненарокомъ чьей-нибудь жизни, все-равно чьей, хотя-бы самой ничтожной, — жизни травы или кузнечика или полевой мыши... Все живетъ, все имѣетъ право на жизнь, на всемъ покоится благословеніе Невѣдомаго, который пребываетъ въ центрѣ мірозданія и оттуда струитъ духовную эманацію.

Религіозная терпимость Востока обусловила самобытное выявленіе духа въ каждой странѣ, и у каждаго народа была своя вѣра, а слѣдовательно и своя духовная окраска. Міръ переливался красками всѣхъ оттѣнковъ отъ изящной и радостной Бирмы, гдѣ идея Бога была увита гирляндами цвѣтовъ, до сумрачнаго Тибета, который воспѣвалъ боговъ, играя на флейтѣ, сдѣланной изъ человѣческой кости, и на алтаряхъ котораго, во время ламайской евхаристіи, вливалось вино въ чашу изъ черепа. Отъ жертвоприношенія цвѣтами до страшнаго завыванія на

человѣческихъ костяхъ—все вмѣщалъ Востокъ все въ немъ уживалось, и среди этой религіозной свободы возникало ничѣмъ не ограниченное разнообразіе творчества. Сколько было оттѣнковъ религіи — столько же колоритовъ творчества, сколько племенъ или народовъ—столько же яркихъ національныхъ пятенъ, пестрѣвшихъ по материкамъ Африки и Азіи, какъ краски разныхъ цвѣтовъ, наложенныя на палитру и еще не смѣшанныя... Мы увидимъ впослѣдствіи, что наиболѣе характерной чертой Запада было его стремленіе отнивеллировать міръ, постричь его «подъ машинку», чтобы исчезла самобытность, и всѣ племена и народы подчинились одной равнодѣйствующей.

Какъ будто предчувствуя эту угрозу, Востокъ боялся пуще дьявольскихъ навожденій тѣхъ именно проявленій жизни, которыя впослѣдствіи обезпечили Западу міровое владычество. Онъ боялся техники... Даже «Талмудъ», которому утилитаризмъ былъ все-же сродни, и тотъ утверждалъ, что «Богъ далъ пищу людямъ, а дьяволъ отъ себя послалъ повара». Точно также и Библія приписывала низвергнутому въ бездну ангелу Азазелу видоизмѣненіе жизни людей при помощи техническихъ ухищреній: «онъ научилъ человѣка какъ дѣлать разныя украшенія, какъ употреблять бѣлила и чернить брови, какъ пользоваться выкопанными каменьями, красками и металлами земли». Но, конечно, и Талмуду и Библіи, съ ихъ голословными угрозами, было далеко до отчетливыхъ доводовъ Востока. «Болѣе всего не нарушайте первобытной простоты,—назидалъ Лао-цзы,—не

старайтесь замѣнить грубыхъ орудій труда сложными машинами. Подобныя изобрѣтенія ведутъ къ развитію роскоши, честолюбія, недовольства. Тайна счастья заключается въ спокойной простотѣ и довольствѣ тѣмъ, что есть, а достигнуть такого состоянія можно только приведя свое тѣло, свои страсти, свой умъ и свою волю въ абсолютное единеніе съ природой».

Жизнь Востока была непрерывнымъ ощущеніемъ Бога, каждая клѣточка человѣка славословила создателя, даже не думая о немъ, но чувствуя его близость, тогда какъ Западъ, наоборотъ, изумительно детальировалъ Бога, но не ощущалъ его, а если иногда и чувствовалъ, то лишь въ рѣдкія минуты своей многовѣковой исторіи. Когда соблазнитель Мара, искушая Будду, предложилъ обратить Гималаи въ золото и Будда отвергъ эту сдѣлку, то впослѣдствіи стало ясно, что не отъ своего только имени онъ отвергъ, но отъ имени всего Востока. Но Іисусъ, отвергнувшій соблазнъ, за себя только и отвѣтилъ, и уже вскорѣ послѣ Голгоѳы камни начали обращаться въ хлѣбы, благодаря различнаго рода производствамъ. И отсюда, изъ этихъ непохожихъ другъ на друга отреченій, началась расходимость Востока и Запада, такая же непримиримая, какъ расходимость двухъ сторонъ угла, которые вышли изъ общей точки, а затѣмъ продвигаются въ пространство, въ вѣчность, становясь все болѣе далекими, безъ надежды когда либо замкнуться.

III.

На землѣ, какъ и передъ нашими древними витязями, разстилалось до настоящаго времени два пути, оба съ безотраднымъ тупикомъ: «пойдешь къ духовности, къ безвоздушнымъ вершинамъ—потеряешь государственную мощь; направишься къ низинамъ, къ устроенію земного счастья—навсегда потеряешь духовность». Такъ выбивались народы на одну изъ этихъ двухъ дорогъ, такъ и шли, сначала побѣдно, а потомъ сознавая постигшую ихъ утрату. Востокъ выбралъ духовность и въ этомъ была его красота, но и его погибель. Завороженный «тайнами дальняго горизонта», заснувшій въ сладостной летаргіи, онъ обрекъ себя на порабощеніе. Отвергнувъ западный путь, онъ отдался во власть именно Западу, который былъ прежде всего активностью и силовымъ напоромъ. Покаялся ли теперь Востокъ въ своемъ малокровіи или, даже и порабощенный, продолжаетъ упорно стоять на своемъ, утверждая, что владѣетъ высшей цѣнностью жизни—это вопросъ особый, для насъ же теперь важенъ фактъ его государственнаго паденія. И какъ бы ни склонялись наши симпатіи къ Востоку, все-же нельзя отрицать, что жизнь отъ него ушла и уже давно наступило «житіе».

А наряду съ этой дремотной гармоніей забурлила иная жизнь, съ бѣшеной пульсаціей, будто не кровь переливалась, а бился каскадъ. Въ ней было много прельщающаго, въ этой жизни, и еще болѣе чудесъ. По слову человѣка

песокъ пустыни превращался въ цвѣтущіе оазисы; среди материковъ пробились каналы для морскихъ судовъ; таинственные токи электричества заструились повсюду — по дну океановъ, по городамъ, на остріяхъ высокихъ мачтъ; для безпроволочныхъ переговоровъ дальнихъ странъ между собою... Побѣда техники надъ временемъ и пространствомъ была дѣйствительно полна чудесъ, а природа, та самая природа, къ которой велъ «Тао» — путь жизни, оказалась настолько переиначенной вмѣшательствомъ техники, что если бы Лао-цзы пожелалъ теперь привести «свой умъ и свою волю въ абсолютное единеніе съ природой», то ему пришлось бы долго искать случайно уцѣлѣвшій уголъ земли, чтобы избѣгнуть ирригаціонныхъ системъ на священныхъ рѣкахъ, плантацій хлопка вмѣсто заповѣдныхъ рощъ и завода по выдѣлкѣ удобреній на бывшемъ островѣ мертвыхъ. Передъ словомъ «эксплоатація» ничто не могло устоять.

«Богъ далъ человѣку мысль, а дьяволъ, отъ себя, добавилъ технику» — такъ слѣдуетъ расширить робкій текстъ Талмуда о пищѣ и поварѣ, чтобы схватить въ одной формулѣ наиболѣе типичную черту западной культуры. Интереснѣе всего, что даже и въ настоящее время, когда фабрика объяла землю, народные низы всѣхъ странъ, одаренные той чуткостью, какая бываетъ только во тьмѣ, угадываютъ вражду предвѣчнаго творчества и техническаго прогреса. Ни одинъ народъ не допускаетъ технику къ такимъ событіямъ своей жизни, гдѣ проявляется, въ непостижимыхъ знаменіяхъ, мистическая тайна. Умершаго не покрываютъ фабричной

тканью, но берутъ для этого домашній холстъ; при кройкѣ савана считается поруганіемъ покойника употребленіе ножницъ,—только руками можно разрывать полотнища; у многихъ народовъ запрещено вносить металлическіе инструменты въ комнату, гдѣ находится изображеніе Бога. Среди племенъ, которыя сжигаютъ мертвыхъ, огонь добывается треніемъ двухъ кусковъ дерева, такъ какъ только этотъ огонь исходитъ отъ природы, отъ боговъ, а не отъ рукъ человѣческихъ; такое же самозарождающееся пламя,—единый «живой огонь»,—примѣняется въ заклинаніяхъ и въ борьбѣ съ повѣтріями. Но замѣчательнѣе всего, что простая молитва или даже религіозное настроеніе связано у многихъ племенъ съ полнымъ изгнаніемъ техническихъ улучшеній, хотя бы они проявлялись въ такихъ безобидныхъ формахъ, какъ болѣе удобная одежда. Въ дни траура или празднества каждый долженъ быть одѣтъ по обычаю предковъ — въ древесную кору, въ мантію изъ вѣтвей съ зелеными листьями, въ звѣриныя шкуры... Такъ человѣкъ встрѣчаетъ Бога въ своемъ первообразѣ, скинувъ культуру, чтобы не осквернить предстоящей встрѣчи отголосками темнаго Ни-бело-ранга.

Противоположеніе «тайны» и техники, такъ чутко разгаданное инстинктомъ темныхъ массъ, было давно уже набросано въ видѣ грандіозной панорамы, въ центрѣ которой стояла Вавилонская башня. Эта странная легенда пріобрѣла теперь значеніе пророчества, едва ли не самаго проникновеннаго, какое только раздавалось на землѣ. Явилась ли она случайной игрой вообра-

женія, или бредъ какого-нибудь галлюцината раздвинулъ вѣка, открывъ глубокія дали, только одно несомнѣнно, что сложный путь Запада былъ давно предвосхищенъ до самаго послѣдняго своего изгиба. Въ нѣсколькихъ словахъ былъ данъ экстрактъ тысячелѣтій.

Откуда-то пришелъ единый народъ и поселился въ равнинѣ Сеннаарской. Вѣроятно этихъ людей смущали мятежныя думы, а въ натурѣ ихъ была гордыня, потому что сказали они другъ другу: «надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ. И стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести. И сказали они: «построимъ себѣ городъ и башню высотою до небесъ»... И сошелъ Господь посмотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе, и сказалъ: «вотъ одинъ народъ и у всѣхъ одинъ языкъ; и вотъ, что начали дѣлать и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать; сойдемъ-же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ... И разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ».

Итакъ, по смыслу легенды, успѣхъ своего единоборства съ Богомъ человѣкъ основалъ исключительно на техническомъ прогресѣ. Угадывая правду, легенда молчитъ о внѣшней красотѣ башни, о ея архитектурѣ, словомъ о тѣхъ эстетическихъ безполезностяхъ, въ которыхъ только и могъ бы развернуться творческій геній, именно творческій, въ широкомъ смыслѣ этого слова, а не ремесленный. Чудо техники — вотъ что противопоставлялось художественному экстазу, которымъ пламенѣлъ Богъ въ дни созиданія міровъ. Вокругъ раскидывалась природа, отразившая всѣ капризы творчества,—отъ ужаса

до пѣвучей элегіи,—еще такъ свѣжо, такъ непосредственно распознавалось повсюду художественное вдохновеніе, а люди уже противополагали техническую мощь полету божественной фантазіи. Борьба началась съ различнымъ оружіемъ и тамъ, при Вавилонской башнѣ, впервые произошла роковая встрѣча техника и художника, цифры и красокъ. Впослѣдствіи по этому пути шла вся борьба человѣка за свое могущество.

Легенда счастливо избѣжала ошибки, не приписавъ толпѣ художественнаго экстаза. Легіону строителей ничего не было нужно кромѣ высоты башни—ни мелодіи линій, ни гармоничнаго сочетанія частей — одна только высота. Небоскребъ Нью-Іорка вполнѣ отвѣтилъ бы ихъ замысламъ, и напрасно іезуитъ Кирхнеръ, помѣщая въ своемъ трактатѣ о Вавилонскомъ столпотвореніи рисунокъ башни, разукрасилъ ее колоннадой, узорчатыми карнизами и другими художественными придатками. Великое «никто», толпа, выступающая въ роли творца, не позволяетъ себѣ роскоши затрачивать силы на безполезное, особенно въ томъ случаѣ, если всѣ помыслы сосредоточены на разрѣшеніи опредѣленнаго техническаго задания. Толпѣ нужно было механическое поднятіе до небесъ и слѣдовательно всѣ заботы сосредоточились на расчетѣ силовыхъ линій и правильномъ распредѣленіи нагрузки стѣнъ, что же касается изразцовъ и орнаментовъ, то объ этомъ не было времени думать среди дѣловой лихорадки. Мечтателя побили бы камнями, если бы онъ увлекся барельефами или засмотрѣлся на красоту природы, позабывъ, что надо разсчитывать нагрузку стропилъ, таскать кирпичи и мѣшать известку.

Ни огня Прометея, похищеннаго съ неба, ни даже дерзкаго полета къ небу Симона Волхва въ циркѣ Нерона, вызвавшаго проклятіе апостола Павла,—ничего этого здѣсь не было, только одна математическая формула, только логариемы и опредѣленіе «момента силъ». И еще замѣчательнѣе, что для борьбы съ Божественнымъ Лицомъ, которое являлось все-же индивидуальностью, былъ выдвинутъ коллективъ, эти тучи человѣческой мошкары, лишенной индивидуальности, но сильной своимъ множествомъ.

По этому пути суждено было идти Западу, и не напрасно каждая ярко очерченная личность, которая впослѣдствіи появлялась въ исторіи, сознавала съ тревогой, какъ могучъ и теменъ коллективъ.—«И спросилъ его: какъ тебѣ имя? И онъ сказалъ въ отвѣтъ: легіонъ имя мнѣ, потому что насъ много»... Такъ отвѣчали Христу силы враждебныя вѣстнику свѣта, но даже исчадье тьмы, яркое въ своей индивидуальности, боялось обезличеннаго легіона. Когда Калигула, проснувшись однажды утромъ, потребовалъ, чтобы принесли его большую змѣю, которую онъ съ любовью кормилъ каждый день изъ своихъ рукъ, ему доложили, что ее съѣли муравьи. Огромный скелетъ—вотъ и все, что осталось отъ гиганта, гибкаго и быстраго, который вѣроятно не одинъ разъ преодолѣвалъ сильнаго врага, но не справился съ легіонами малосильныхъ. Светоній Транквилъ сообщаетъ, что въ этомъ фактѣ Калигула увидѣлъ предостереженіе отъ черни...

Впослѣдствіи все это исполнилось на Западѣ съ такою точностью, будто исторіей руководилъ делегатъ, посланный отъ строителей Вавилонской

башни. Техника обмотала землю проводами и рельсами, материки перекликались при помощи невидимыхъ волнъ и, наконецъ, человѣкъ поднялся надъ землею, достигнувъ неба. Геній человѣка сыпалъ чудесами, и каждое изъ нихъ въ отдѣльности было фантастичнѣе всѣхъ измышленій арабскихъ сказокъ, вмѣсто взятыхъ. Но Западу суждено было пожать неожиданные результаты отъ трудовъ своихъ, отъ своихъ неслыханныхъ чудесъ. Самъ того не подозрѣвая, онъ шелъ къ катастрофѣ...

Прежде всего побѣда надъ временемъ и пространствомъ хотя дѣйствительно и была достигнута, но раздавила самого человѣка безжалостнѣе, чѣмъ самое жестокое пораженіе. Побѣждая время, Западъ потерялъ досугъ, потому что привычка выигрывать время привела къ стремленію дѣловито использовать каждую освободившуюся минуту. Такъ скряга, накопляя богатства, мечтаетъ сначала, что будетъ царить въ жизни и купитъ всѣ ея утѣхи, но въ концѣ концовъ настолько порабощается идеей накопленія, что крадетъ самъ у себя послѣднюю корку хлѣба, стремясь реализовать ее въ звонкую монету. Востокъ никогда не стремился къ побѣдѣ надъ временемъ и въ результатѣ сохранилъ себѣ такую роскошь досуга, будто тамъ время само отдается человѣку и говоритъ ему: «пользуйся мною какъ хочешь, ты мой господинъ»! И только отъ своего побѣдителя оно ушло, создавъ изумительный парадоксъ: не имѣетъ времени только тотъ, кто его побѣдилъ.

Но этого мало: побѣдителя ждали еще и боковые удары. Лихорадочный темпъ жизни не

могъ не отразиться на интенсивности чувства, которое подчинялось непреложному закону физики: «выиграть въ скорости—значитъ потерять въ силѣ». Чувства поблекли, исчезла ихъ обаятельная длительность; они также прессовались какъ время, и также какъ время ушли. Когда-то давно, въ отношеніяхъ людей создавалась мелодія, украшенная паузами, которыя были полны тонкихъ вибрацій и заставляли долго мечтать, раньше чѣмъ новый аккордъ не продвигалъ впередъ нароставшее чувство. Звуки, раздѣленные паузами, еще могли запасть глубоко, но ихъ грохочущій каскадъ уже не могъ проникнуть дальше нервныхъ периферій. Переживанія ускорили свой темпъ, сообразно господствующимъ вихрямъ, развязка отношеній слѣдовала непосредственно за ихъ началомъ, промежуточныя звенья упали. И это понятно: для переживанія надо было пріостановиться, для остановки требовалось время, но его-то и не было. Скряга привыкъ продавать послѣднюю корку хлѣба и уже утратилъ способность пользоваться пріобрѣтеннымъ богатствомъ.

Надо ли договаривать, что такая же печальная развязка ждала Западъ при его торжествѣ надъ пространствомъ? Побѣдивъ пространство онъ его потерялъ. И если въ былыя вѣка земля казалась нескончаемой, то теперь, наоборотъ, міръ сталъ удушливо тѣсенъ и малъ. Ускорить способы передвиженія—не значило-ли это уменьшить діаметръ земли? Побѣдить пространство—вѣдь это значило навсегда потерять пространство или, вѣрнѣе, потерять представленіе о пространствѣ, не чувствовать его ширп, его необъят-

ности: Земля—эта коронованная планета, настолько поражавшая человѣка своею грандіозностью, что онъ когда-то ставилъ ее въ центрѣ вселенной, оказалась такимъ мизеромъ, что ее собираются питать электрической энергіей изъ одного источника! По крайней мѣрѣ Швейцарія, подсчитавъ силу своихъ водопадовъ, имѣла всѣ основанія бросить гордую фразу: «дайте мнѣ проводъ и я буду центральной станціей міра».

Центральная станція, снабжающая энергіей всѣ концы міра,—не слишкомъ ли сжалась земля, если ужъ можно помышлять о такой дерзости, какъ обслуживаніе ея изъ одного центра? Не увидитъ ли она впослѣдствіи центральнаго рефрижиратора на сѣверномъ полюсѣ и центральнаго отопленія на экваторѣ? Тѣсный задворокъ съ отдѣльными мезонинами и службами—вотъ что такое эта, нѣкогда царственная планета, которая съеживается буквально на нашихъ глазахъ! Еще наше поколѣнье утверждало, что Жюль Вернъ слишкомъ разнуздалъ свою фантазію, когда направилъ въ кругосвѣтный бѣгъ Филеаса Фока, но прошло менѣе полувѣка — и дѣйствительность опередила фантазію и мы вдругъ поняли, почему для Филеаса земля казалась заслуживающей уваженія: онъ ползъ по ней цѣлыхъ восемьдесятъ дней! Онъ ѣздилъ на слонахъ, а курьерскіе поѣзда его времени пригодились бы теперь развѣ только для грузовъ малой скорости... Впрочемъ у него было свое незамѣнимое счастье. Онъ усваивалъ красоту, тогда какъ мы скользимъ по ней и нашъ путь не оставляетъ по себѣ иныхъ воспоминаній кромѣ прыгающихъ пейзажей. Современный путеше-

ственникъ воспитывается на впечатлѣніи, что природа полна ажіотажа. Исчезъ покой, а вмѣстѣ съ нимъ и глубина.

Побѣдивъ время и пространство, коммерческій Западъ ринулся во всѣ концы свѣта, чтобы привить нетронутымъ странамъ новыя потребности, отвѣтить на которыя могла бы только фабрика. Это принято было называть «завоеваніемъ новыхъ рынковъ», и подъ покровомъ столь удачнаго термина — звучавшаго такъ наивно, будто въ немъ не скрывалась жестокость — Западъ получилъ возможность стянуть къ себѣ богатства зарубежныхъ народовъ. И, конечно, только западныя страны, а не Египетъ, нуждались въ своеобразной должности казначея, который,—судя по древнимъ памятникамъ Египта,— «завѣдывалъ всѣмъ, что есть и *чего нѣтъ*». Исполненіе послѣдней части этой инструкціи быть можетъ иногда затрудняло вѣрныхъ слугъ фараона, но ихъ тѣни витаютъ теперь съ наслажденіемъ на Западѣ: одна изъ великихъ державъ оборачиваетъ около половины мірового баланса, и отсюда уже ясно, что кромѣ заботъ по своему бюджету она доблестно исполняетъ функціи египетскаго казначея.

Одного изъ своихъ героевъ, а затѣмъ и самого себя, Рабле какъ-то назвалъ «выжимателями квинтъ-эсенціи». Послѣ этихъ словъ уже не нужно искать болѣе точной характеристики Запада. Всесвѣтный выжиматель квинтъ-эсенціи, неподражаемый комми-вояжеръ,—Западъ готовъ на сказочные подвиги когда ему мерещится выгода въ какомъ-либо не использованномъ краѣ, хотя бы самомъ дальнемъ. Новый подвижникъ

былъ явленъ міру. Онъ готовъ былъ безвѣстно погибнуть на золотыхъ пріискахъ Клондайка или сорваться въ пропасть на горахъ Австраліи, потянувшись къ новой разновидности орхидеи, за которыя лондонскій рынокъ платитъ деньги безъ счета, или, наконецъ, сгорѣть отъ лихорадки гдѣ-нибудь на экзотическихъ плантаціяхъ, вдали отъ родины... Онъ — безспорный титанъ, этотъ невидимый, вездѣсущій «комми-вояжеръ», для котораго нѣтъ ничего завѣтнаго, не исключая даже и его собственной жизни. Онъ не долго размышляетъ надъ средствами для достиженія цѣли: споить дикія племена или просвѣтить тѣ же племена, если это нужно; объявить «войну за опіумъ»; утвердить свое экономическое могущество черезъ Евангеліе, умиляя туземцевъ заповѣдями блаженства, или громить тѣхъ же туземцевъ карательными экспедиціями... Продать свою родину — это тоже не считается предосудительнымъ, надо только процитировать съ видомъ посвященнаго формулу Андрью Кэрнеджи: «биржа не знаетъ національнаго флага», что въ переводѣ на языкъ грубыхъ натуръ почему-то означаетъ беззастѣнчивое предательство... На Западѣ остановилась самая послѣдняя, окраинная волна божественной эманаціи, потому что онъ сгустилъ въ себѣ матерію, и только ее одну, безъ всякой примѣси духовнаго начала.

«И вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать»... Божественное слово само признало титанизмъ человѣка, предчувствуя, что внѣшняя побѣда останется за милліардами муравьевъ, которые не

только доведутъ свою постройку до конца, но попутно разрушатъ красоту земли, обезцвѣтивъ ея краски до унылыхъ тоновъ. Такъ и свершилось: «не отстали они отъ того, что задумали дѣлать». Техническія побѣды въ союзѣ съ экономикой должны были рано или поздно обуздать всѣ самобытныя проявленія духа, который съеживался подъ стремительнымъ напоромъ утилитаризма. Природа дрогнула въ первую очередь, а вслѣдъ за ней разлагались народы. Природа какъ промышленность и народы какъ рынокъ сбыта — достаточно было двухъ этихъ взглядовъ сухого оцѣнщика, чтобы увяли цвѣты и на землѣ и въ душахъ людей.

Какая непроходимая пропасть раздѣляла въ этомъ отношеніи Востокъ и Западъ! Съ одной стороны одухотворенная жизнь призывала къ обожествленію природы, къ полному сліянію съ ней; «Вершину ста цвѣтовъ» отвели таоисты своимъ праведникамъ среди нетронутыхъ горныхъ кряжей и, по преданію, тамъ и понынѣ живутъ святые послѣ своей смерти, наслаждаясь полнымъ сліяніемъ съ природой: «лица ихъ умываются небеснымъ дождемъ, ихъ волосы причесываются вѣтромъ и цвѣты растутъ на ихъ тѣлѣ». Такъ грезилъ Востокъ, а Западъ, издавна боявшійся всѣхъ сновидѣній, навѣянныхъ природой, неустанно съ ними боролся, и когда въ Римѣ появились предзнаменованія, указывающія, что богиня Природы родитъ царя народу, то напуганный Сенатъ объявилъ, что ни одинъ ребенокъ, долженствующій появиться на свѣтъ въ назначенный срокъ, не будетъ воспитанъ. Источникъ неизъяснимыхъ восторговъ

для восточныхъ странъ былъ предметомъ ужаса для Сената, для Рима, для всего Запада.

Но не одинъ только художникъ долженъ былъ сокрушенно смотрѣть на полинялую землю, — люди науки также имѣли основаніе сѣтовать на возрастающую блеклость флоры и фауны. Проф. Красновъ въ своей «Географіи растеній» отмѣчаетъ, что «алчность плантаторовъ измѣнила естественную физіономію природы, и цѣлые острова и громадныя провинціи покрылись однообразными культурами»... Въ ботаникѣ эти области еще до сихъ поръ принято опредѣлять какъ «центры угасанія флоры», хотя теперь было бы своевременно сознать, что «центръ», расползшійся по всему земному шару, заслуживаетъ иного, болѣе почтительнаго названія. И если вообще говорить о «центрахъ», то это было бы умѣстно лишь по отношенію къ уцѣлѣвшимъ точкамъ первобытной природы. Онѣ немногочисленны, эти одинокія нетронутыя точки, и несомнѣнно близко время, когда будетъ превращена въ культурный видъ не только одичалая, вся въ красочныхъ отливахъ, «Вершина ста цвѣтовъ», но и самый неприступный оплотъ природы, вродѣ того, какой еще сохранился на островѣ Явѣ, гдѣ склоны горъ вѣчно окутаны низко насѣвшими густыми облаками и нѣтъ дня безъ грозы, перебрасывающей молніи почти по землѣ, а воздухъ такъ насыщенъ парами, что влага пронизываетъ человѣка въ нѣсколько минутъ. Послѣдніе лоскутья великолѣпной картины...

Безличный коллективъ, сновавшій около Вавилонской башни, завѣщалъ Западу прикончить

разъ навсегда съ мечтателями, чтобы не было возврата къ безполезнымъ бреднямъ, къ поэтическому вымыслу, къ прихотливымъ узорамъ миѳотворчества. И дѣйствительно, успѣхъ въ этомъ направленіи былъ достигнутъ изумительный. Падали туземные боги, уступая свое мѣсто единой, общеміровой эмблемѣ: изображенію «тельца», а вмѣстѣ съ ними погасала самобытность народовъ. Безразлично, какъ назвать ту силу, которая стремилась создать изъ всѣхъ народовъ одинъ общій шаблонъ,—назвать ли ее утилитаризмомъ, или, внимая Ассиріи, повѣрить, что существовалъ демонъ западнаго вѣтра «безстыдный и безпощадный», — только несомнѣнно, что западная культура взбалтывала племена и народы, какъ взбалтываютъ колбу съ разноцвѣтными жидкостями, чтобы радуга красокъ погасла въ сѣрой однотонности.

Раціонализмъ Запада былъ правъ: въ природѣ дождь шелъ вовсе не потому, что индусскія Марутры и Рудры—боги грозы—доили небесное вымя, и мексиканскій богъ войны едва ли родился отъ прикосновенія къ его матери, прекрасной Коатликоѣ блестящаго пера, а въ Египтѣ конечно не существовало бога, который «жилъ упавшими, ѣлъ тѣни и проглатывалъ сердца»... Но изъ этого разнообразія духовныхъ заблужденій и вѣрованій только и могло заимствовать искусство свой запасъ роскошныхъ красокъ. Въ ту минуту, когда Марутры и прекрасная Коатликоя, очнувшись послѣ сновидѣній, протянутъ другъ другу руки и, посмотрѣвъ на вещи трезвыми глазами, двинутся на счетоводные курсы или въ техническую контору,

гдѣ несомнѣнно будетъ назначенъ сборъ и всего остального пантеона боговъ — въ эту минуту художникъ можетъ смѣло смѣшать всѣ краски на своей палитрѣ. Въ періодъ вѣры или заблужденій искусство двигалось молитвеннымъ экстазомъ, въ минуты растерянности — разгадкой тайны, но въ вѣкъ матеріализма, заинтересованнаго одной только тайной: измѣненіемъ биржи на завтрашній день, — искусство должно отдать свои краски на украшеніе фронтона той же биржи, снизведя такимъ образомъ свою свободу, свое огневое безуміе и царственность къ весьма скромной служебной роли.

Все смѣшать, все привести къ общему уровню, на всѣхъ одѣть пиджакъ,—такова была цѣль Запада, его міровая миссія. И теперь индѣйскій вождь, дѣйствительно, объѣзжаетъ свои племена на «Мерседесѣ», бирманская дѣвушка— образецъ стыдливости—обнажена декольтированнымъ платьемъ отъ Ворта, феллахи бродятъ около пирамидъ въ калошахъ и макинтошѣ, а самоѣды, которые искони вѣковъ ублажали своихъ боговъ, одѣвая на нихъ мантіи, сшитыя изъ разноцвѣтныхъ оленьихъ шкурокъ, поняли, наконецъ, сладость цивилизаціи и теперь облачаютъ боговъ въ чиновничій мундиръ при треуголкѣ и шпагѣ... На вершинѣ Вавилонской башни виситъ пиджакъ, какъ символъ безцвѣтности, какъ послѣднее слово въ творчествѣ коллектива. Но ужаснѣе всего, что и самая способность творить стала прерогативой толпы, а не личности. Даже вѣковая греза человѣчества о завоеваніи воздуха, о «высотѣ до небесъ», была достигнута не путемъ откровенія, не сошествіемъ духа на одного

избраннаго, а постепеннымъ просачиваніемъ гені́я черезъ толпу. Кто-то далъ двигатель внутренняго сгоранія, но онъ былъ слишкомъ тяжелъ, тогда кто-то другой сконцентрировалъ ту же силу въ маленькомъ стальномъ тѣлѣ, создавъ гнома съ чудовищной мускулатурой. Всесвѣтная артель собрала въ складчину геніальность и уже не знала именъ, потому что «имя имъ легіонъ». Когда соціализмъ провозгласилъ, что «бой рѣшается не красотою знаменъ, а числомъ и соціальнымъ вѣсомъ бойцовъ», онъ былъ такъ же правъ, какъ были правы муравьи, превратившіе въ скелетъ красивый символъ мудрости и тайны.

Въ природу вползло унынie однообразной флоры, народы слились въ сѣрый цвѣтъ и нѣтъ между ними различія, личность угасла, уступивъ свое мѣсто коллективу—не кажется ли иногда, что какая-то высшая сила предоставила человѣку дойти до побѣднаго конца, чтобы тамъ, въ апоѳеозѣ культуры, подстеречь побѣдителя и сразу открыть ему, какой цѣной онъ достигъ своихъ сказочныхъ успѣховъ? Обвѣшанный отмычками, побѣдитель дошелъ, наконецъ, до вершины Вавилонской башни, открылъ послѣднюю дверь и увидѣлъ, что тамъ виситъ пиджакъ! Сѣрая природа, полинялые народы и творчество въ складчину, по мелочамъ—вездѣ пиджакъ, на всей землѣ.

Развѣ было не справедливо такое страшное возмездіе? Вѣдь западная культура, по основному замыслу своему, противополагалась краскамъ міра и гармоніи духа,—всему вообще творчеству предвѣчнаго Художника. На противоположныхъ

концахъ рычага оказались техника и эстетика, и подъемомъ одного изъ этихъ плечъ низвергалось другое. Великій подъемъ знаменовалъ въ то же время и безпредѣльность паденія... Кто-то смѣялся надъ Западомъ въ этой игрѣ рычаговъ, быть можетъ тотъ Невѣдомый, кто подсказалъ мудрецу Лао-цзы не гнаться за техническимъ прогресомъ, но приводить свой внутренній міръ въ равновѣсіе съ природой... Впрочемъ на ряду съ укоризненнымъ смѣхомъ слышалось и назиданіе, которое когда-то преподалъ своимъ ученикамъ другой китайскій мудрецъ Чуанъ-цзы: «люди понимаютъ пользу полезныхъ предметовъ, но имъ еще нужно научиться пользѣ того, что безполезно».

Западъ не внималъ этимъ тихимъ голосамъ. Только чудо могло внушить ему высшую мудрость.

IV.

Всего на одинъ мигъ, не болѣе, Западъ почувствовалъ, что на немъ покоится благодать духовной эманаціи,—это было въ дни «Осанны», когда восторгъ мученичества превозмогалъ всѣ услады земли. Но уже вскорѣ послѣ этого минутнаго экстаза намѣстникъ Христа вступилъ въ сепаратное соглашеніе съ искусителемъ пустыни, и, въ видѣ торжественной скрѣпы новаго договора, создалъ индульгенцію, а затѣмъ беззаботно ею расторговался, раскинувъ прилавки по всѣмъ, подвластнымъ ему, странамъ, чтобы не только камни пустыни обратить въ золото, но и реализовать въ золотой валютѣ посмерт-

ную жизнь человѣка. Положительно, сатана долженъ былъ чувствовать себя, по сравненію съ папой, узколобымъ неудачникомъ—онъ бормоталъ что-то примитивное о превращеніи камней и не догадался, что можно кромѣ того продать врата будущей жизни, или, во всякомъ случаѣ, взять подъ нихъ крупный авансъ. «Доколѣ, Господи, продлится Твое долготерпѣніе»,—восклицалъ неукротимый обличитель папства Вальтеръ Фогельвейде,—дѣло Твое обращено въ ничто, Твой казначей крадетъ Твои небесныя богатства»!—Въ этой идеѣ всеобщей распродажи расшатывался Западъ, пока инквизиція не закрѣпила въ умахъ уваженіе къ матеріализму, организуя облаву на самыхъ богатыхъ еретиковъ, за что Робертъ Гротескъ въ присутствіи папы Иннокентія IV и его кардиналовъ назвалъ духовенство тѣхъ временъ «самымъ грязнымъ пятномъ на землѣ». Отпущеніе грѣховъ индульгенціей и уничтоженія грѣшниковъ при посредствѣ инквизиціи было вполнѣ достаточно, чтобы приподнять мысли Запада до мечты объ «Обѣтованной землѣ», которая рисовалась среднимъ вѣкамъ какъ «обширные города съ улицами, мощеными золотомъ, и домами изъ драгоцѣнныхъ камней».

Но кошмаръ инквизиціи кажется не лишеннымъ нѣкоторой доли очарованія по сравненію съ послѣдующимъ торжествомъ холоднаго разсудка. Неизмѣнный спутникъ тѣхъ временъ—вѣдьма, все же должна была искать проникновенія въ человѣческія грезы, иначе въ ней перестали-бы нуждаться. «Въ лицѣ вѣдьмы—говоритъ Сеайль—геній женщины обнаружилъ

свою глубокую интуицію: она вновь открыла природу, угадала тѣсную и многообразную связь между духомъ и міромъ, обладая даромъ непосредственнаго проникновенія въ сущность вещей». — И внѣшній обликъ вѣдьмы, по словамъ Мишле, прекрасенъ: «она должна быть тридцати лѣтъ какъ Медея, этотъ образъ красоты страданія, съ глубокимъ взоромъ, трагическая и нервная, съ длинными и змѣевидными, безпорядочно разсыпанными волосами,—съ цѣлымъ потокомъ черныхъ неукротимыхъ волосъ. На ея головѣ быть можетъ покоился вѣнокъ изъ вервены, могильный плющъ и фіалки смерти». Къ ней шли тоскующіе безотчетной тоской, шли истомленные любовью, шли также, чтобы на одинъ мигъ увидѣть призракъ дорогого умершаго...

Темныя волны духовности были въ этомъ безуміи, послѣднемъ безуміи Запада, но въ дальнѣйшей его судьбѣ никогда уже не встрѣчалась даже и эта сумеречная красота. Еще не погасли костры, а уже сквозь клубы дыма пробивался свѣтъ раціонализма, и событія повернулись, подготовляя матеріалъ для Лекки и Дрепера, чтобы эти барды европейской цивилизаціи воспѣли вѣкъ разума. Но, конечно, Дрепперъ не подозрѣвалъ, что его славословіе прозвучитъ современемъ, какъ злая сатира. Не онъ ли прежде всѣхъ другихъ возвѣстилъ съ нескрываемой гордостью, почти съ упоеніемъ, что даже «климатъ все болѣе сглаживается искусственными изобрѣтеніями, въ силу чего люди подходятъ подъ одну среднюю типическую мѣрку, а вмѣстѣ съ этимъ тѣснымъ сближеніемъ людей возростаетъ сбли-

женіе не только въ чувствахъ и обычаяхъ, но даже въ образѣ мыслей»?

«Благодѣтельница вѣдьма, духъ бездны, хвала тебѣ!»—восклицалъ когда-то восторженный Мишле, и такъ неудержимо хочется повторить его темную «осанну», когда видишь, что оды въ честь общемірового «пиджака» слагались такъ горделиво и самоувѣренно...

Впрочемъ въ тѣ времена, на пути раціонализма еще встрѣчались кой-какіе, правда незначительные, заторы. Еще Шлейденъ, открывшій клѣточку въ растительныхъ и животныхъ тканяхъ и провозгласившій ее основнымъ элементомъ бытія, не вынесъ, имъ же самимъ увѣнчаннаго, реализма и кончилъ жизнь въ мистическихъ туманахъ, переметнувшись въ своихъ «Этюдахъ» къ духовидцу Сведенборгу. Еще Бюхнеръ долженъ былъ оставить каѳедру въ Тюбингенѣ, когда съ заносчивостью, чисто юношеской, чтобы не сказать—мальчишеской, заявилъ, что искалъ Бога въ телескопъ, всматриваясь въ межпланетное пространство, искалъ его и въ микроскопъ, изслѣдуя ткани животныхъ, и нигдѣ не нашелъ его слѣдовъ. Еще Дарвинъ писалъ Гексли въ 1859 году: «какъ добрый католикъ, получившій послѣднее соборованіе, я могу теперь пропѣть: нынѣ отпущаеши»... Но весьма знаменательно, что тотъ же Дарвинъ, подсматривая за собою, какъ геніальный наблюдатель уловилъ въ своей душѣ зловѣщіе симптомы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и провозвѣстниками послѣдующаго перерожденія Запада. Строки дневника Дарвина, датированныя 1 маемъ 1881 года, настолько замѣчательны, что могли бы стать манифестомъ

всѣхъ легіонеровъ, созидающихъ западную культуру, а потому я привожу ихъ почти полностью:

«Въ одномъ отношеніи мои душевныя свойства измѣнились за послѣднія 30 лѣтъ»—писалъ великій біологъ. «До 30-ти лѣтняго возраста или нѣсколько долѣе, поэзія разнаго рода, вродѣ сочиненій Мильтона, Грея, Байрона, Вордсворда, Кольриджа и Шелли, доставляла мнѣ большое удовольствіе и даже школьникомъ я испытывалъ величайшее наслажденіе отъ Шекспира. Точно также картины доставляли мнѣ раньше значительное, а музыка—даже очень значительное наслажденіе. Но теперь, вотъ уже много лѣтъ, какъ я не могу вынести чтенія ни одной строчки стиховъ. Я также почти утратилъ вкусъ къ картинамъ и къ музыкѣ. Музыка обыкновенно заставляетъ меня думать слишкомъ энергично о томъ, надъ чѣмъ я работалъ, вмѣсто того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Я сохраняю нѣкоторый вкусъ къ прекраснымъ ландшафтамъ, но они не приносятъ мнѣ того изысканнаго наслажденія, какое доставляли раньше»... «Этотъ любопытный и печальный фактъ утраты высшихъ эстетическихъ вкусовъ тѣмъ болѣе страненъ, что книги по исторіи, затѣмъ біографіи и путешествія интересуютъ меня также значительно, какъ раньше. Умъ мой повидимому сталъ родомъ машины, размалывающей обширныя собранія фактовъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ общіе законы; но почему это причинило атрофію единственно той части мозга, отъ которой зависятъ высшіе вкусы—этого я не могу понять... Если бы мнѣ пришлось жить снова, я поставилъ бы себѣ за правило читать немного

стиховъ и слушать немного музыки; быть можетъ тогда тѣ части моего мозга, которыя теперь атрофировались, остались бы въ дѣятельномъ состояніи. Утрата этихъ вкусовъ есть утрата счастья, и, быть можетъ, она вредна уму, а еще вѣроятнѣе — нравственнымъ качествамъ, такъ какъ этимъ ослабляется та часть нашей природы, которая связана съ душевными волненіями».

«Утрата счастья, вредъ уму и упадокъ душевныхъ волненій»—такъ завершилъ свою жизнь тотъ, счастью котораго, казалось, могъ бы позавидовать не только каждый человѣкъ, но, пожалуй, даже каждый изъ геніевъ. Трагическій разладъ Запада, раньше чѣмъ обнаружиться въ народахъ, мелькнулъ въ его геніальномъ представителѣ, но этому предостереженію не вняли побѣдители земли, упоенные своими дѣйствительно сказочными успѣхами. По теоріи Западъ, конечно, зналъ, что кренъ на одну сторону можетъ завершиться катастрофой, но никогда ему не случалось почувствовать близости бездны и не было причинъ насторожиться. Вѣдь и Дарвинъ тоже зналъ въ теоріи, и притомъ не хуже другихъ, что гипертрофія одной части организма влечетъ за собою угнетеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и атрофію другой, но понадобилась цѣлая жизнь геніальнаго человѣка, чтобы онъ, убѣдившись въ этомъ на опытѣ, почувствовалъ у преддверія могилы свою духовную скудость и отдался мечтамъ о возвратѣ счастья, о красотахъ ландшафта, о мелодическихъ звукахъ стихотворнаго напѣва, словомъ о томъ безполезномъ, къ чему можетъ рваться только душа

и чего, конечно, не зналъ ни одинъ изъ строителей Вавилонской башни.

Также и для Запада теорія была не убѣдительна. Народамъ не важно умозрительное знакомство съ закономъ равновѣсія, ихъ можетъ убѣдить только опытъ. Имъ нужно испытать въ дѣйствительности страшный кренъ и повиснуть надъ пучиной, не зная навѣрное, удастся ли избѣжать гибели, чтобы, терзаясь въ предсмертныхъ мукахъ, они прокляли все прошлое, давая зарокъ построить жизнь по иному, если суждено будетъ спастись. Никакіе аргументы, никакіе геніальные голоса были бы не въ силахъ пріостановить разбѣга Запада, потому что «легіонъ имя ему», а легіонъ воспріимчивъ только къ картинѣ, особенно если она огромная и страшная, вся въ заревѣ. Громы и молніи при появленіи скрижалей на Синаѣ не были ни острой приправой истины, ни ея эфектной инсценировкой, но единственнымъ способомъ повысить настроеніе толпы настолько, чтобы истина стала общепонятной и даже общеобязательной. Откровеніе Апокалипсиса, точно также, не имѣло бы такого огромнаго вліянія на умы, если бы въ немъ рапортовалъ свои соображенія холодный разсудокъ, но они стали жгучими и тревожными только потому, что имъ сопутствовалъ ужасъ, переложенный въ картины. «Онъ снялъ шестую печать, я взглянулъ, и вотъ произошло великое землетрясеніе, и солнце стало мрачно какъ власяница и луна сдѣлалась какъ кровь, и звѣзды небесныя пали на землю, какъ смоковница, потрясаемая сильнымъ вѣтромъ, роняетъ незрѣлые плоды свои. И небо скрылось, свившись

какъ свитокъ; и всякая гора и островъ двинулись съ мѣстъ своихъ»...

Ударъ по зрѣнію и нервамъ—вотъ единственное средство расчистить путь для истины. Не мысль поучаетъ, а событіе, не теорія, а развернувшаяся панорама. Вѣроятно у исторіи, какъ у практической агрономіи, есть свои показательныя мѣропріятія, которыя даютъ зрѣнію одинъ конечный выводъ изъ цѣлаго ряда сложныхъ вліяній. Ударъ по зрѣнію и по нервамъ — тогда толпа становится прозорливой, улавливая преемственность вѣковъ и затаенный смыслъ событій. Но какъ силенъ долженъ быть этотъ ударъ, если онъ раздается впервые за многіе вѣка, сгущая въ себѣ итогъ жизни самыхъ могущественныхъ странъ міра! Сколько громовыхъ раскатовъ и полыхающаго зарева... Не правда ли, только міровая война могла выполнить эту задачу, міровая и притомъ небывалая, потому что ни разу еще, съ тѣхъ поръ какъ тронулась западная культура въ свой путь, не было ей сдѣлано общаго смотра. Востокъ погибъ, а Западъ продолжалъ идти, все такъ же побѣдно, какъ прежде, преодолѣвая препятствія, и съ каждымъ новымъ успѣхомъ наростала его самонадѣянность. Побѣдитель, привыкшій къ тріумфамъ — какой невѣроятный разгромъ нуженъ былъ ему, чтобы возникло у него сомнѣніе въ себѣ и чтобы онъ понялъ, наконецъ, что его пути пролегали гдѣ-то въ сторонѣ отъ самаго важнаго...

V.

Какъ разрядъ вѣками скоплявшейся грозовой энергіи нужна была эта война. Въ ниспосланномъ озареніи увидѣли мы самые потайные механизмы цивилизаціи, и въ нихъ мелькнуло для насъ что-то новое, неожиданное... Безъ особаго изумленія, какъ фактъ извѣстный, хотя все же поражающій, восприняли мы творчество Германіи въ дѣлѣ техники и въ общей подготовкѣ къ борьбѣ. Никто не сомнѣвался, что въ этомъ отношеніи она значительно опередила всѣ другія государства, сдѣлавъ чудовищный бросокъ и почти достигнувъ границы прогреса, тогда какъ остальные народы еще шли гдѣ-то по дорогѣ, далеко отброшенные назадъ, а Россія замыкала это шествіе державъ, плетясь въ хвостѣ величественной процессіи. И, несомнѣнно, не только техника и боевая готовность, но и культура,—въ томъ видѣ, какъ она вообще формировалась Западомъ,—стояла выше всего именно въ Германіи. Условія внѣшней жизни, стремленіе дать обстановочную изысканность всѣмъ безъ исключенія слоямъ населенія, развитіе индустріи, какъ типичная для Запада переработка красоты черезъ фабрику, и, наконецъ, великолѣпная организація научныхъ работъ,—развѣ не такова была Германія въ предсмертной своей полосѣ, наканунѣ войны? И если вообще признавать западную культуру, то вслѣдъ за этимъ нельзя не произнести, что никто такъ ее не вѣнчалъ, никто не былъ такъ послѣдователенъ въ достиженіи ея идеаловъ, какъ Германія, и вѣроятно

только этимъ можно объяснить ея, почти неуничтожимое, вліяніе на внутренній укладъ жизни всѣхъ европейскихъ государствъ. Теперь уже не страшно произнести этотъ дифирамбъ въ честь Германіи, или, вѣрнѣе, именно теперь-то его и нужно произнести, хотя бы потому, что судьба уже дочитываетъ «отходную» надъ Германіей, а по заповѣди Конфуція: «не плюй на падучія звѣзды», было бы опрометчиво посылать вслѣдъ погибающему одни только проклятья.

Но и еще одно соображеніе позволяетъ славословить Германію за ея верховодство въ общемъ шествіи Запада. Бываютъ переломы исторіи, какіе-то мгновенные повороты ея прожектора, когда былой свѣтъ превращается въ мракъ, и тѣмъ сильнѣе этотъ мракъ, чѣмъ ярче былъ свѣтъ. Такъ отъ жгучей проповѣди Христа перераспредѣлились пятна свѣта и тѣни, и послѣ этого сдвига уже можно было безбоязненно говорить: «посмотрите, вотъ идетъ лучшій и совершеннѣйшій изъ фарисеевъ!». Это уже не означало лучшаго изъ людей, а изощреннѣйшаго изъ лицемѣровъ, тогда какъ мытарь, наоборотъ, выросталъ изъ тьмы, озаренный новыми лучами и уже потому безконечно красивый, что былъ поставленъ какъ образецъ человѣка. Хвалить недавнее прошлое въ минуты перелома исторіи еще не значитъ преклоняться, и можно подозрѣвать, что въ той коренной переоцѣнкѣ жизни, какую произвела война, опасно вообще говорить: «вчера здѣсь былъ свѣтъ», потому что сложилось убѣжденіе, и вѣроятно основательное, что отнынѣ все должно быть наоборотъ, рѣшительно все,—

и праздникъ долженъ быть не тамъ, гдѣ онъ былъ, и будни пойдутъ по иному.

Германія была совершеннѣйшей изъ странъ, съ точки зрѣнія западной культуры. Ничто не мѣшало ея строительству и потому слѣдовало ожидать, что именно въ ней культура доскажетъ свое послѣднее слово, доскажетъ отчетливо и внятно, безъ всякаго акцента восточныхъ странъ. Въ Англію и Францію еще могли вплетаться побочные мотивы. Какъ геніальный колонизаторъ, Англія поняла, что будетъ властвовать надъ колоніями только въ томъ случаѣ, если отнесется бережно къ ихъ духовнымъ интересамъ, не разломаетъ быта и сама возьмется ограждать туземныя святыни. Если даже это и была игра, имѣвшая противоположную цѣль, — обезличить въ концѣ концовъ вассальные народы; если, какъ утверждаетъ Паркеръ, обращеніе каждой туземной души въ христіанство покупалось метрополіей за одинъ фунтъ стерлинговъ, то все же, и при этихъ условіяхъ, прикосновеніе Англіи къ разнообразнымъ проявленіямъ духа должно было оставить и на ней самой цвѣтные налеты. Періодически смѣняющіеся въ колоніяхъ офицеры и чиновники Англіи, возвращаясь, передавали ей очарованіе Востока и навѣрное ни одинъ туземецъ не сумѣлъ бы такъ воспѣть духовную красоту своей родины, какъ воспѣваетъ англичанинъ Фельдингъ религію и міропониманіе Бирмы. Быть можетъ поэтому теософія нигдѣ не пользуется такимъ распространеніемъ, какъ въ Англіи, и нигдѣ Востокъ не имѣетъ такого обаянія, какъ именно въ этой разсудочной странѣ.

Что же касается Франціи, то, какъ это ни

странно, балластомъ при ея движеніи къ прозаическимъ идеаламъ Запада былъ всегда католицизмъ, главнымъ образомъ въ декоративной своей части,—въ этихъ торжественныхъ процессіяхъ съ переливами пурпурныхъ и лиловыхъ мантій, въ обрядахъ, разсчитанныхъ на экзальтацію, въ таинственной исповѣдальнѣ, располагавшей къ интимности, во всей вообще системѣ внѣшнихъ вліяній, которая вышла изъ царственной идеи папства, въ ея сочетаніи съ чернымъ папствомъ—орденомъ іезуитовъ. Вѣками выработанные обряды и таинства,—то пышные и красивые въ своемъ спокойствіи, то грозившіе заклинаніями,—восхищали и тревожили толпу неземными отголосками и, надо отдать справедливость Риму—онъ сумѣлъ окружить общеніе съ Богомъ поэтическимъ вымысломъ.

Наряду съ этой возвышенной декоративностью, возникалъ соотвѣтствующій подборъ духовенства, которое дѣйствовало на воображеніе массъ и, также какъ обрядъ, воспаляло умы. Парламентъ могъ вотировать изгнаніе конгрегацій изъ Франціи, но надъ каждой семьей, по прежнему, властвовалъ іезуитъ, хотя бы и видоизмѣнившій внѣшнюю оболочку, а въ церквахъ, какъ встарь, толпа поддавалась магической силѣ обряда. По примѣру Англіи въ отношеніи ея колоній, Римъ наползалъ на Францію, съ весьма прозаическими цѣлями, затаивъ про себя идею свѣтскаго владычества, но опять-таки и здѣсь религія осаждала свои краски въ народѣ, и если Римъ былъ прозаиченъ по существу, то путь его лежалъ черезъ поэму. Заставляя себя слушать, онъ долженъ былъ читать прозу въ стихахъ и экзаль-

тированная толпа невольно усваивала музыкальные ритмы и красочные переливы обрядовъ.

Ни всемірной колоніальной политики, ни красоты обряда не было въ Германіи. Изолированная на Европейскомъ континентѣ, она приспособлялась къ зарубежнымъ странамъ только въ предѣлахъ коммерческихъ задачъ, изслѣдуя иноземные вкусы и устанавливая отсюда требованія рынковъ. Никогда не случалось ей, какъ Англіи, сплетаться съ богатствами духовнаго узора на Востокѣ, а ея религія не имѣла не только яркихъ красокъ католицизма, но и вообще никакихъ красокъ. Для аскетовъ—это была бы великолѣпная религія, вся строгая по очертаніямъ и сѣрая, какъ плащъ анахорета, но для массъ она, конечно, не могла дать ни впечатлѣній ужаса, ни экстатическихъ восторговъ, ни той задушевности, которая такъ обаятельна въ православныхъ церквахъ. Религія Германіи ничѣмъ не смягчала щелканія ариѳмометра въ банкирской или технической конторѣ, наоборотъ, сама церковь отказалась разъ навсегда вліять на воображеніе паствы, изгнавъ изъ своего обихода все лишнее кромѣ голыхъ деревянныхъ скамей и алтаря, тоже ничѣмъ не разубраннаго. Дѣловитость и разсудокъ—больше ничего нельзя было найти въ церковныхъ сводахъ, будто и здѣсь засѣлъ клеркъ, покрупнѣе чѣмъ въ конторахъ, но такой же сухой и насквозь дѣловитый. Негдѣ было согрѣться, непристойнымъ показался бы экстазъ... Въ такой обстановкѣ отвыкаютъ даже плакать.

Всѣ условія сговорились, чтобы не мѣшать Германіи достигать, а, впослѣдствіи, и осуществить въ наиболѣе чистомъ видѣ идеалы за-

падной культуры. По внѣшности результатъ былъ достигнуть ослѣпительный, и казалось, что человѣкъ завоевалъ, наконецъ, право бросить смѣлый вызовъ: «царство мое *на землѣ*», въ противовѣсъ Евангелію, которое утверждало, что нѣтъ иного царства, кромѣ какъ на «небѣ». И дѣйствительно Германія не замедлила бросить этотъ вызовъ, напрягая всѣ силы, всю технику, чтобы превозмочь «здѣшней» роскошью фантастическое царство на небѣ.—Въ прошломъ году въ Нью-Іоркѣ была освящена лютеранская церковь, гдѣ для удобства молящихся устроены лифты, проведена горячая вода, имѣется салонъ для чтенія, ванная комната, телефоны... Уборныя соперничаютъ съ самыми изысканными будуарами. При церкви устроенъ роскошный ресторанъ съ французской кухней и буфетъ съ холодными закусками... Такъ сочеталась роскошь Запада и все несдержанное излишество техники съ тѣми пустынными сводами церкви, откуда издавна были устранены всѣ, даже самые безобидные, спутники религіи, кромѣ голыхъ скамей и алтаря. Около опустѣвшаго дома молитвы шла облицовка изъ кирпичей Вавилонской башни, и казалось, что здѣсь, въ этой очной ставкѣ двухъ боровшихся міровъ, въ этомъ открытомъ глумленіи одного міра надъ другимъ,—судьба обозначила цѣну за торжество западной культуры. Духъ погасъ, умъ сталъ какъ машина, обезцвѣтилась красота душевныхъ волненій.

Тонкій символъ, мелькнувшій въ этой лютеранской церкви, остался незамѣченнымъ; требовался широковѣщательный плакатъ на ту же тему, чтобы всѣ безъ исключенія увидѣли ду-

ховный параличъ Запада. Убѣдительнымъ могло быть только реальное разрушеніе, досказанное въ грубыхъ дѣйствіяхъ, а не въ аллегоріи. Изъ чудовищныхъ мортиръ надо было громить Реймскій соборъ, и тогда въ безхитростной схемѣ вскрывалась передъ массами вся многовѣковая, тщательно замаскированная борьба Запада съ идеей Духа. И еще много знаменій должна была дать война, чтобы никто уже не сомнѣвался въ опредѣленіи Дарвина: «умъ мой сталъ родомъ машины»...

Теперь это для всѣхъ ясно. Міровая толпа прочла на плакатѣ, который выставила исторія напоказъ всему свѣту, что только крайнее бездушіе и давнишняя отвычка отъ вдохновенныхъ порывовъ могли дать такой невѣроятный автоматизмъ, какъ у нѣмцевъ. Человѣкъ и машина неразрывно сплелись, даже въ таинствахъ. Такъ извѣстно, что на поляхъ сраженія, послѣ боя, нѣмцы пускаютъ тракторъ съ прикрѣпленными къ нему плугами, которые роютъ глубокую канаву, затѣмъ проносятся нескончаемой вереницей автобусы, съ которыхъ, какъ связки бревенъ, летятъ трупы въ приготовленную яму, и, наконецъ, для завершенія этой механической системы погребенія, снова идутъ паровые плуги, которые задѣлываютъ могилу.

Ничего нельзя возразить противъ этой системы, наоборотъ, она чрезвычайно практична, но, какъ извѣстно, высшая практичность есть въ то же время и крайняя антидуховность. Чѣмъ же тогда плоха лютеранская церковь съ ресторанами и, слегка недоговоренными, отдѣльными кабинетами? Вѣдь все равно добрые прихожане,

утомившись отъ псалмовъ, урвутъ свою долю отъ жизни,—для чего же тогда заставлять набожныхъ бюргеровъ одѣвать калоши въ дождливый день и плестись куда-то, если возможно предоставить имъ всѣ удобства тутъ-же, надъ алтаремъ? Почему въ самомъ дѣлѣ не хоронить гуртомъ, подъ плугъ?—Нѣтъ доводовъ для возраженія, разумъ молчитъ, только чувство бушуетъ, готовое проклинать.

«Благодѣтельница вѣдьма, духъ бездны, хвала тебѣ»! Теперь намъ понятенъ этотъ горячій привѣтъ... Пусть будетъ черная месса, пусть захлестываютъ волны темной духовности, но все же духовности, лишь бы не эта безотрадная плоскость, которая такъ же духовна, какъ билліардный столъ въ пивной! Лучше увидѣть призракъ любимаго покойника въ воскуреніяхъ волшебнаго зелья, или хотя бы обмануться иллюзіей что видишь, чѣмъ это техническое погребеніе, въ которомъ раціонализмъ досказалъ свое послѣднее слово. Нѣтъ просвѣта, дышать нечѣмъ, когда нефтяной двигатель становится единственнымъ напутствіемъ мертвыхъ. Машина надъ жизнью и смертью, и только машина, а умершій—не болѣе какъ матеріалъ... Продвигаясь по этому пути легко добраться до вытапливанія, фабричнымъ способомъ, стеариновыхъ свѣчей изъ покойника.

Весь міръ насторожился, понявъ, при заревѣ войны, въ какой удушливый тупикъ ведетъ утилитаризмъ. Послѣднее слово западной культуры, воплотившееся въ Германіи, оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ словомъ цинизма, его крайнимъ сгущеніемъ. Это мы поняли по звѣр-

ствамъ нѣмцевъ, вѣрнѣе—по ихъ манерѣ звѣрствовать. Въ нашей исторіи мы сами не мало вынесли звѣрствъ, но переживали ихъ безъ всякаго злопамятства, если жестокость исходила отъ избыточной страстности, отъ неукротимаго нрава, а не отъ холоднаго, безучастнаго разсудка. Простили Грознаго, который даже и въ жестокостяхъ носилъ своего Бога и разбивалъ лобъ, печалуясь надъ казненными, а по ночамъ на всю округу слышался перезвонъ колоколовъ—это царь молился. Простили турокъ, которые вырѣзали ремни изъ плѣнныхъ, и Китаю отпустили его неимовѣрныя жестокости, потому что чувствовали, что у нихъ есть свои святыни, своя божница, и не одними «ремнями» исчерпывается ихъ внутренній міръ. Въ манерѣ же германскихъ звѣрствъ не трудно было угадать бездушіе, договоренное до конца, безъ всякаго укрывательства, безъ заминки, даже какъ будто съ нѣкоторой гордостью. Снисходя къ «низшимъ расамъ» съ своего недосягаемаго «über alles» нѣмецъ брезгливо ихъ приканчивалъ, предварительно поглумившись, и ничего завѣтнаго не было у него въ эту минуту за душой, ровно ничего! По стилю нѣмецкихъ звѣрствъ удалось намъ разгадать крайнее бездушіе вожака культуры, какъ угадывалъ Уитманъ по стилю писателей, молятся ли они Богу по утрамъ.

Надо сказать, что Германія была логична, завершивъ свой историческій путь цинизмомъ и жестокостью. Къ этому неизмѣнно вела западная культура. Если въ ея замыслахъ не было ничего завѣтнаго, кромѣ стремленія къ выгодѣ, то почему же народъ, который въ наибольшей

чистотѣ проносилъ сквозь вѣка эту идею и, наконецъ, досказалъ ее съ точностью метронома—почему этотъ народъ долженъ былъ вмѣстить въ себѣ еще какіе-то теплые тона? Заказъ былъ принятъ на опредѣленныхъ условіяхъ: «экономика, техника, легіонъ», и въ результатѣ послѣдовало чрезвычайно добросовѣстное исполненіе заказа. Гдѣ же искать теплоты,—неужели у экономики или у техники? Но если бы теплота случайно и обнаружилась въ этихъ областяхъ, то она указала бы, что происходитъ вредное нагрѣваніе подшипниковъ въ общемъ механизмѣ западной культуры... Или быть можетъ у легіоновъ искать лирики?

Вмѣсто этихъ безнадежныхъ поисковъ, проще сознаться, что передъ требованіями западной культуры Германія оказалась въ высшей степени честной, и не ея вина, что теперь, въ міровой войнѣ, когда открылась затерявшаяся въ древности «Книга Великаго Недуга», неожиданно оказалось, что честность по отношенію къ западной культурѣ должна быть вмѣнена въ безчестіе. Логика Германіи не можетъ пострадать отъ этого мгновеннаго перемѣщенія свѣтотѣни. Если былъ принятъ заказъ на устроеніе государственной жизни при помощи экономики и техники, то отсюда уже намѣчался самъ собою прямой путь къ цинизму, оброненному Достоевскимъ: «все можно, все дозволено». Если самоутвержденіе и алчность—тогда не можетъ быть этики. Одинъ изъ современныхъ индусскихъ философовъ говоритъ, что желаніе имѣть въ себѣ Бога не совмѣстимо съ желаніемъ имѣть домъ, экипажъ, кредитъ въ банкѣ... И дѣйстви-

тельно, въ экономикѣ не можетъ быть сантиментальностей, но одно лишь восторженное преклоненіе передъ теоріей Дарвина, которая оцѣниваетъ потоки крови, проливаемые въ борьбѣ, не иначе какъ съ точки зрѣнія гидростатики, а кровеносную систему человѣка охотно приравняла-бы къ системѣ трубъ, съ различнымъ поперечнымъ сѣченіемъ, гдѣ переливается какая-то красная жидкость по формуламъ Даніила Бернулли. Борьба за преобладаніе не должна вообще знать пощады, потому что слезы и стоны—все это частности, если повѣрить, что міръ стоитъ на звѣриномъ началѣ, какъ въ это повѣрила гордость западной культуры, ея краса, ея предѣльная вершина—Германія.

Изящной сказкѣ Гауфа о стеклянномъ сердцѣ суждено было исполниться на цѣломъ народѣ. Все есть: и знаніе и богатство и техника, но вмѣсто сердца—студеный комокъ, отъ котораго вѣетъ холодомъ. Дневникъ Дарвина пріобрѣлъ значеніе вдохновеннаго пророчества: «вотъ уже много лѣтъ, какъ умъ мой сталъ родомъ машины»... «наступила атрофія той части мозга, отъ которой зависятъ высшіе вкусы»... «утрата этихъ вкусовъ есть утрата счастья, и, быть можетъ, она вредна уму, а еще вѣроятнѣе—нравственнымъ качествамъ, такъ какъ этимъ ослабляется та часть нашей природы, которая связана съ душевными волненіями»... Слово за словомъ падаетъ это тяжелое признаніе, и не уйти отъ него, не забыться. Къ утратѣ высшихъ вкусовъ, къ общемѣровому «пиджаку» прибавилась бездушность народа, добравшагося до вершины культуры. Пропали его душевныя волненія, и

потому такой холодъ въ жестокостяхъ. Секта «каинитовъ» была права, когда утверждала въ «евангеліи отъ Іуды», что совершенство просвѣщеннаго человѣка не можетъ выразиться иначе, какъ только безтрепетнымъ исполненіемъ самыхъ высшихъ жестокостей.

Сверхчеловѣкъ, котораго слагали вѣка, отдавая ему и вдохновеніе геніевъ и самыя огневыя проповѣди мучениковъ—этотъ сверхчеловѣкъ, мечта земли, оказался такимъ же примитивомъ по своему духовному облику, какъ и первобытный человѣкъ. Культура началась каннибаломъ, и навѣрное у перваго человѣка губы были красныя, какъ у Вурдалака, и не обсыхали отъ крови, потому что онъ глодалъ чьи-то кости, быть можетъ родного брата. И вдругъ оказалось, что на послѣднемъ звенѣ культуры,—куда доступъ немыслимъ безъ многовѣковой шлифовки—повисъ тотъ-же Вурдалакъ и, вѣроятно, теперь ухмыляется, дождавшись первыхъ гостей изъ Германіи. Красными губами Вурдалака начали и на нихъ кончили.... Какая грандіозная трагедія для вѣрившихъ въ западную культуру, какой провалъ для тѣхъ, кто исповѣдывалъ постепенное наростаніе братства путемъ цивилизаціи! На протяженіи долгихъ вѣковъ тянулись къ разуму, въ немъ полагали свою гордыню, предчувствуя, что пробьетъ часъ и самый передовой народъ взберется, наконецъ, на вершину Вавилонской башни и водрузитъ тамъ флагштокъ... И вотъ, теперь онъ водруженъ, этотъ долгожданный флагштокъ! Онъ, конечно, сдѣланъ на фабрикѣ и все въ немъ изумительно, какъ апоѳеозъ техни-

ческаго творчества, но на развѣвающемся флагѣ проглянуло оскаленное лицо Вурдалака.

Безъ войны этого нельзя было постичь, только въ ея раскалѣ выяснилось общее направленіе западнаго строительства. «Для постройки они употребляютъ грубый матеріалъ, не заботясь ни о красотѣ зданія, ни объ удовольствіяхъ творчества»,—такой характеристикой напутствовалъ Тацитъ германцевъ въ началѣ ихъ историческаго шествія, а Вл. Соловьевъ, пытаясь уловить завершеннаго нѣмца, изобразилъ, въ своемъ «Третьемъ разговорѣ», делегата Германіи на послѣднемъ вселенскомъ соборѣ, какъ человѣка съ огромнымъ лбомъ, острымъ носомъ и «какимъ-то особымъ свирѣпо-добродушнымъ взглядомъ». Теперь для насъ ясно, что это добродушіе было только налетомъ культуры, только маской воспитанія, подъ которой притаился звѣрь. Кто же сорвалъ съ Вурдалака изысканный фракъ, чтобы увидѣли косматую грудь, и стащилъ мягкія лайковыя перчатки, чтобы обнаружились острые когти? Разоблаченія были бы не убѣдительны, теоріи не могли бы помочь, только войнѣ—этому незамѣнимому популяризатору, было подъ силу разгласить на весь свѣтъ о безграничной свирѣпости, заслоненной внѣшнимъ радушіемъ.

«Огромный лобъ, острый носъ и свирѣпый взглядъ», но на этотъ разъ уже безъ лицемѣрной теплоты. Нескрываемый свирѣпый взглядъ... Это лицо проглянуло въ войнѣ и въ немъ обозначилась расплата за многовѣковые успѣхи Запада. Но судьба пошла дальше. Она столкнула въ борьбѣ всѣхъ крупныхъ пайщиковъ западной культуры, произведя тѣмъ самымъ ихъ раз-

сортировку по степени ихъ близости къ послѣднему слову строительства. Смотръ всему Западу, страшный судъ... Война, какъ глашатай, выкрикнувшій на весь міръ обличеніе западной культуры; война, какъ безпристрастный судья, разсортировавшій народы, — развѣ не грандіозны эти результаты, чтобы въ скорби войны мелькнули свѣтлые лучи? Безчисленны жертвы, это правда, но сколько же вѣковъ возводилась Вавилонская башня безъ всякой помѣхи со стороны судьбы и сколько народовъ принимало участіе въ этой постройкѣ? Высоко успѣли забраться за это время, въ поднебесье ушли, водружая флагъ въ облакахъ... И если при этихъ условіяхъ закачался самый фундаментъ, то катастрофа должна была сотрясти землю и придавить легіоны.

Безспорно, не одними разрушеніями, хотя-бы и назидательными, можетъ быть искуплена міровая война, жертвы которой настолько велики, что гиперболы древнихъ книгъ едва вмѣщаются въ современную дѣйствительность. «Кровь капаетъ съ деревьевъ, горы размокаютъ отъ крови»... Слишкомъ тяжко было-бы сознаніе, что все это расплата за отцовъ, одна лишь очистительная жертва за прошлое. Кромѣ разрушенія нужно еще и творчество, иначе кровь не оправдана,—такое могучее творчество, которое еще никогда не украшало землю, нуженъ свѣтъ въ будущіе вѣка, чтобы тамъ сплеталась гармонія, нужно небывалое, потому что фантастична и самая война. Какой-то великій глаголъ долженъ быть произнесенъ надъ землею, этого всѣ ждутъ и потому ходятъ радостные въ траурномъ

крепѣ. Всеобъемлющій синтезъ, въ которомъ сплавилась бы «полнота красоты»—иначе нельзя помириться съ судьбой!

VI.

До войны, изслѣдователю историческихъ судебъ человѣчества трудно было подавить въ себѣ недоумѣніе, когда онъ видѣлъ, что во всю длину прошлыхъ тысячелѣтій пролегаетъ трещина, отдѣлившая Востокъ и Западъ, будто земля раскололась на двѣ самостоятельныя планеты, и жизнь на каждой изъ нихъ идетъ по своимъ особымъ законамъ. «Почитаю Агуру Мазду, лучезарнаго, красивѣйшаго по формѣ»—говорилъ Зороастръ въ то время, какъ на Западѣ, въ Греціи, въ бирюзовыхъ вырѣзахъ Архипелага, гдѣ все располагало къ земному блаженству, возникала школа «ариѳметиковъ», которые, сами того не подозрѣвая, явились предтечами всей западной культуры. На одной планетѣ—лучезарность и красота и орлиные взлеты фантазіи; на другой—ариѳметика, только она одна, превратившая и самый умъ человѣка въ машину.

До войны, недоумѣніе изслѣдователя еще могло быть усыплено сознаніемъ, что въ этомъ исконномъ соперничествѣ двухъ міровъ побѣда осталась на сторонѣ Запада. Такъ дѣйствительно и казалось съ перваго взгляда: будто уже кончилась борьба и нѣтъ соревнованія, но только побѣдитель дожимаетъ побѣжденнаго. Въ такомъ

видѣ рисовалась поверхностному наблюдателю встрѣча двухъ міровъ, пока съ наступленіемъ войны не открылась вся перспектива, съ ея сокровенными далями. Тогда уже пресѣклась возможность, вѣнчая Западъ, опустить занавѣсъ надъ историческимъ расколомъ.

На аренѣ не стоитъ побѣдитель, а подъ нимъ не распростертъ обезсиленный соперникъ. Оба повержены и нѣтъ ни одного побѣдителя... Востокъ, пронизанный духовностью, побѣжденъ своею государственной немощью, Западъ, наоборотъ, упалъ въ духовномъ параличѣ, накопивъ государственное могущество. Два опрокинутыхъ факела и ни одного пламенѣющаго. Сначала угасъ Востокъ, потомъ рушился Западъ, и оба имѣли свои прекрасныя черты, но оба сгустили въ себѣ крайности, которыя не могли существовать въ чистомъ видѣ. И при взглядѣ на это общее крушеніе зарождается страшная догадка, страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ радостная.

Минутами кажется, что вся предшествующая исторія человѣчества для того только и тянулась такъ долго и сложно, чтобы наглядно обнаружились эти двѣ крайнія ошибки. Тысячи вѣковъ и милліарды жизней были брошены какъ матеріалъ для гигантскаго по замыслу опыта, который въ конечномъ своемъ выводѣ и не имѣлъ иныхъ цѣлей кромѣ «доказательства отъ противнаго». Гибель отъ сгущенія духовности, гибель отъ ея отсутствія... Такъ экспериментаторъ производитъ опыты надъ бактеріями, и, покрывъ ихъ часовымъ стеклышкомъ, сначала доказываетъ, что онѣ гибнутъ отъ избытка кислорода, а затѣмъ, исходя изъ обратнаго, показы-

ваетъ, что онѣ также гибнутъ и отъ недостатка кислорода. Всего два опыта, два часовыхъ стеклышка, но подъ ними цѣлая тьма человѣческихъ жизней и вереница вѣковъ. «Если я повѣдаю тебѣ законы земли, какіе я видѣлъ при жизни, то ты будешь цѣлый день сидѣть, рыдая»... Это вѣщала въ одномъ изъ египетскихъ миѳовъ загробная тѣнь Энгиду, когда ее допытывали о тайнахъ земного счастья. Но въ тѣ времена и не могло быть полнаго счастья. Два опыта, двѣ «рабочія гипотезы» исторіи—не больше...

При оцѣнкѣ прошлаго, оріенталистъ, съ тѣмъ же правомъ, какъ и изслѣдователь Запада, могъ написать «Комедію всемірной исторіи», потому что на двухъ противоположныхъ берегахъ разыгрывалась одна и та-же комедія или, быть можетъ, одна и та-же трагедія—эти опредѣленія зависятъ отъ того, приняты ли роковыя ошибки человѣчества съ усмѣшкой или съ рыданіемъ загробной тѣни. Исторія, въ смыслѣ расцвѣта человѣчества, еще и не начиналась. Была школа, былъ приготовительный классъ. Но одно несомнѣнно: если на разныхъ берегахъ наростали двѣ крайнія ошибки, два минуса, то въ этихъ завѣдомыхъ отклоненіяхъ отъ гармоніи былъ самый вѣрный залогъ грядущей гармоніи. Востокъ уже давно прошелъ суровую школу жизни и свои ошибки усвоилъ на вѣки; теперь, въ этой міровой войнѣ, Западъ заглянулъ въ свою бездну и, конечно, уже никогда не повторитъ своихъ гибельныхъ ошибокъ. Народныя массы, какъ юность, не имѣютъ иныхъ способовъ приблизиться къ правильному выводу, какъ только путемъ опыта.

Сліяніе Востока и Запада—вотъ единственный синтезъ, къ которому подходила исторія. Въ своемъ прошломъ она только брала пристрѣлъ, сдѣлавъ два пробныхъ залпа, изъ которыхъ одинъ далъ явный перелетъ въ восточныхъ странахъ, другой—недолетъ на Западѣ, и все это только для того, чтобы предстоящій теперь третій залпъ навѣрняка ударилъ въ цѣль. По срединѣ между Востокомъ и Западомъ пролегаетъ истинный путь человѣчества, въ гармоничномъ сочетаніи прекрасныхъ свойствъ Востока и Запада. Это вполнѣ ясно выговорила исторія, когда въ настоящей войнѣ пригрозила всѣмъ западнымъ странамъ судьбой Германіи, если не воспримутъ отъ Востока его свѣтлыхъ лучей, его духовности. Грандіозная картина разворачивается у насъ на глазахъ: сплавляются два міра, чтобы сочеталось прекрасное... Никогда еще не раздувался такой гигантскій горнъ, какъ теперь, еще не было такого невѣроятнаго раскала, но никогда не составлялся такой чудесный сплавъ, какъ сейчасъ...

Если бы по отдѣльнымъ намекамъ мы умѣли улавливать очертанія грядущаго, то, несомнѣнно, увидѣли бы, что уже давно подготовлялось это сліяніе міровъ. Никогда вообще крупныя историческія событія не приходятъ внезапно, но высылаютъ впередъ герольдовъ, которые своими одинокими голосами намѣчаютъ предстоящую судьбу человѣчества. Языкъ этихъ глашатаевъ не всегда отчетливъ, а иногда зашифрованъ, но при свѣтѣ послѣдующихъ событій ихъ слова пріобрѣтаютъ вѣщій смыслъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: почти наканунѣ войны обнаружились два рене-

гата, оба геніальные, бѣжавшіе отъ своего міра, чтобы передаться вражескому стану.

Съ одной стороны—Левъ Толстой, выросшій въ условіяхъ западной культуры, проклялъ ее со свойственной ему страстностью, отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и обратился на Востокъ, чтобы поклониться Лао-цзы и Менъ-цзы, признавъ только въ ихъ мудрости подлинные отсвѣты неба. Въ этомъ знаменательномъ паломничествѣ Толстой готовъ былъ дойти до тѣхъ крайностей, которые казались непосильными даже и для самаго Востока.—«Есть малоизвѣстный китайскій философъ Лао-цзы» — пишетъ Толстой— «ученіе котораго утверждаетъ. что люди избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и общественныхъ, если бы они соблюдали недѣланіе. И я думаю, что онъ совершенно правъ. Меня всегда поражало то удивительное, утвердившееся въ Западной Европѣ мнѣніе, что трудъ есть что-то вродѣ «добродѣтели»...

Такъ ренегатствовалъ Толстой, плѣнившись безвоздушными вершинами, гдѣ Востокъ нашелъ свою усладу и свою погибель. Къ этимъ нежилымъ вершинамъ тянулся Левъ Толстой, въ нихъ искалъ отдыха отъ тѣхъ бурныхъ ферментовъ, подъ вліяніемъ которыхъ жизнь вокругъ него пѣнилась, переливалась черезъ край, низвергаясь куда-то мутными каскадами. Помню, когда я былъ въ «Ясной» и мнѣ посчастливилось долго говорить съ Толстымъ, до глубокой ночи, меня поразило, что всякое случайно оброненное упоминаніе о странахъ Востока заставляло его загораться, и онъ становился огневымъ, какъ въ минуты вдохновенія.

Въ этотъ вечеръ онъ вообще горѣлъ — возбужденіе отъ лихорадки, которую онъ захватилъ купаясь по утру, поднимало мысли, и безъ того могучія, но воодушевленность замѣтно возрастала, когда мелькалъ Востокъ. Туда, только туда бѣжалъ геній Запада, тамъ искалъ просвѣта и «нечаянныхъ радостей».

А въ это время геніальный индусъ Рабиндранатъ Тагоръ ренегатствовалъ на Западъ. Онъ, правда, не измѣнилъ своей родной Индіи. Онъ зналъ, что истинная свобода начинается только съ той минуты, когда «человѣкъ почувствуетъ отголосокъ ритмическихъ ударовъ душевной жизни всего міра въ своей собственной душѣ»... Онъ еще настаивалъ, что надо искать «мѣста встрѣчи души человѣка съ душою міра» и «измѣрять свою величину не по внѣшнему образу, а по своей связи съ безконечнымъ, по покою звѣзднаго неба и вѣчно текучаго ритмическаго хоровода твореній». Но тотъ же Тагоръ, не скрываясь, привѣтствовалъ сказочную трудоспособность Запада, его преобразовывающую силу. «Когда человѣкъ расчищаетъ джунгли, съ ихъ вредными міазмами, и создаетъ садъ, тогда красота освобождается отъ ея безобразной оболочки и въ этомъ перевоплощеніи природы проявляется душа человѣка въ полномъ расцвѣтѣ». «Съ помощью науки мы пріобрѣтаемъ власть: паръ и электричество замѣняютъ нервы и мускулы»... «Кто такъ погрязъ въ неправдѣ, что осмѣлится назвать неправдой все это — и эту цивилизацію развивающагося человѣчества и это вѣчное усиліе человѣка достигнуть побѣды своихъ силъ, пройдя всю пучину горя,

всѣ высоты радости, преодолѣвъ безконечныя препятствія внутри и извнѣ»?..

Толстой, завороженный Востокомъ и провозгласившій, вслѣдъ за Лао-цзы, бездѣятельность, какъ основу непорочной жизни, и Тагоръ, предавшій свои родныя джунгли, чтобы вмѣсто нихъ, подъ вліяніемъ бурнаго Запада, возникло какое-то предпріятіе, — въ частности, можетъ быть, и садъ, какъ того хочетъ Тагоръ... Это указывало, что Востокъ, сознавая свою историческую ошибку, томится въ бездѣйствіи и готовъ измѣнить своей дремотной неподвижности, а Западъ, задыхаясь отъ вѣчной суеты, ищетъ просвѣта въ духовности и созерцательныхъ настроеніяхъ Востока. Два генія бѣжали изъ своихъ странъ, но если бы они встрѣтились въ пути и выяснили, что каждый изъ нихъ искалъ обѣтованную землю какъ разъ тамъ, откуда другой бѣжалъ, то, несомнѣнно, въ ихъ недоумѣніи былъ-бы единственный спасительный исходъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ явился бы и свѣтлымъ откровеніемъ: оба они остались бы на мѣстѣ встрѣчи, въ серединѣ своихъ путей, между Востокомъ и Западомъ, чтобы на этой пограничной чертѣ воздвигнуть общій храмъ. Ихъ замѣшательство при встрѣчѣ было бы послѣдней растерянностью всемірной исторіи. Изъ общаго храма, примирившаго двѣ крайности, зазвучала бы «гармонія сферъ», воспѣтая Пиѳагоромъ, какъ слившійся аккордъ міровъ.

Они еще не знали, эти два геніальные ренегата, что пройдетъ немного времени, и, цѣной неисчислимыхъ жертвъ, Западъ будетъ перемѣщенъ къ Востоку, и это чудо свершится въ силу тѣхъ же безсознательныхъ импульсовъ, подъ

вліяніемъ которыхъ, въ свое время, Тагоръ и Толстой ринулись къ чуждымъ культурамъ. Стихійной силой свершится это перемѣщеніе, съ той видимой простотой, съ какой происходило сползаніе глетчеровъ на половинѣ земного шара. Было бы ошибочно предполагать, что народы или даже ихъ высшіе интеллигентные слои должны вполнѣ постичь всю глубину свершающихся событій, чтобы перестроить свое міропониманіе сообразно предначертаніямъ исторіи. Судьба никогда не основывала своей власти на пониманіи, но производила автоматически самые грандіозные сдвиги народовъ. Любовь и ненависть — вотъ и весь ея несложный механизмъ, вся система ея рычаговъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, она разожгла общую ненависть къ тѣмъ именно вопіющимъ проявленіямъ германской культуры, которыя неотдѣлимы отъ западной культуры вообще. Черезъ Германію, какъ искупительную жертву, судьба заставила почувствовать отвращеніе къ бездушію Запада, къ этой «огромной головѣ съ свирѣпымъ взглядомъ», но отвращеніе, претворяясь въ дѣйствіе, должно выразиться силой отталкиванія.

Самое красивое и величественное, что только видѣла земля, и, вѣроятно, самое сложное, будетъ создано изъ простѣйшихъ побужденій, почти инстинктовъ. Такъ человѣкъ, почувствовавшій кренъ корабля, бросается къ противоположному борту. Такъ западная культура невольно перебросится къ духовности Востока, не утративъ при этомъ ни одного изъ своихъ преимуществъ.

VII.

Славянофилы ошибались, когда думали, что Россія дастъ міру откровеніе, но они были бы правы, если-бы предчувствовали, что міръ, получивъ послѣ войны способность видѣть, самъ найдетъ откровеніе въ Россіи. Въ ея распряженіи, быть можетъ, еще нѣтъ конечнаго синтеза, но уже отмѣрены, въ правильной пропорціи, необходимыя сочетанія. Государственная мощь Запада и прекрасные подъемы Востока, съ такой же невыясненностью центральнаго Божества, но развѣянной повсюду духовностью — развѣ это не Россія? Съ завистью оборачиваются теперь на нее западные народы и сами говорятъ, въ покаянномъ порывѣ, что исполнилось пророчество: «послѣдніе да будутъ первыми», и сознали, наконецъ, что возвеличивается тотъ, кто былъ приниженъ. И когда обернулись, то уже не въ силахъ оторвать своихъ очарованныхъ глазъ отъ Россіи, потому что только въ ней одной нашли наибольшее приближеніе къ тому сплаву Востока и Запада, который формируется въ раскалѣ настоящей войны.

Мы не произносили громового слова, которое повернуло-бы жизнь народовъ по новому руслу, но въ минуту страшнаго суда надъ Европой оказываемся единственными обладателями этого слова, или, во всякомъ случаѣ, владѣемъ всѣми буквами для его составленія. Еще недавно нашъ духовный укладъ принято было называть хаосомъ, теперь же наступило время, когда его называютъ гармоніей и страны западной Европы

ищутъ у насъ истиннаго Духа, признавъ, что мы—единственный, уцѣлѣвшій на Западѣ, народъ богоносецъ. Въ противоположность Западу, нашъ Богъ не скованъ ни теоретической догмой, ни стройными философскими системами, а живетъ на свободѣ, давая о себѣ знать въ самыхъ неожиданныхъ отголоскахъ. Это о нашемъ Богѣ сказано въ одной изъ восточныхъ религій: «безформенный—онъ источникъ всякой формы; беззвучный—онъ источникъ всякаго звука; невидимый — онъ покоится въ основѣ всего видимаго; неумолимый—онъ распространяетъ повсюду благодать». Онъ дѣйствительно не вмѣщается въ церковность, не имѣетъ ясныхъ контуровъ и, по примѣру Ведъ, наше славословіе весьма часто перебивается растерянностью... Быть можетъ нашъ Богъ—просто духовность, вмѣщающая въ себѣ и безотчетную тоску и радость жизни и преклоненіе передъ тайной.

Онъ дѣйствительно непостижимъ... Я всматривался иногда въ нашихъ русскихъ прозаиковъ, насквозь пронизанныхъ дѣловитостью, и думалъ: здѣсь поиски безнадежны! Но всегда бывало такъ, что, въ самыя неожиданныя минуты, разумъ этихъ трезвыхъ людей сдавалъ, допуская явное безразсудство, и тогда слышались иные мотивы, съ прекрасными оттѣнками мистики. Изъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ людей старикъ Суворинъ былъ въ этомъ отношеніи типичнѣе другихъ. Человѣкъ разсудка и огромной практической смѣтки, онъ отодвинулъ Бога въ сторону, безъ особыхъ мучительствъ, какъ отодвигаютъ безучастнымъ жестомъ ненужную книгу. Помню, когда донеслась до него вѣсть, что Толстой

вновь заметался въ предчувствіи надвинувшейся смерти и снова одержимъ приступомъ недоумѣнія передъ тайнами загробнаго міра,—Суворинъ говорилъ, что не понимаетъ этой озабоченности: «тамъ узнаемъ, что будетъ, а что-же раньше времени волноваться безъ толку»... И помню, мнѣ показалось тогда, что этотъ разсудочный взглядъ добиваетъ послѣднюю надежду на «духовную эманацію». Если ужъ и волноваться надо съ толкомъ, а на безполезныя волненія наложенъ запретъ, тогда, значитъ, все загнано въ практическую смѣтку. Было досадно: человѣкъ отъ народа, много самъ пережилъ, прогремѣлъ, продвинулся, почему же забылъ, что тамъ, на низахъ, иначе чувствуютъ смерть, чѣмъ онъ, можетъ быть именно такъ, какъ Толстой: съ недоумѣніемъ и страхомъ?

Непонятнымъ казалось это духовное опустошеніе, но впослѣдствіи я увидѣлъ, что его и не было, только слишкомъ ужъ наросла, все заслонила, дѣловая забота. Одинъ разъ Суворинъ разсказалъ мнѣ о своей встрѣчѣ съ Ренаномъ. Кажется, нѣсколько разъ они встрѣчались и неизмѣнно Суворинъ, разставаясь съ своимъ собесѣдникомъ, бывалъ подавленъ его геніемъ, его чеканной логикой, которая не позволяла оглядываться по сторонамъ и вела властно, безъ поблажекъ, съ безжалостностью правды. Въ результатѣ Суворинъ возненавидѣлъ Ренана; за то возненавидѣлъ, что трезвость генія все въ немъ добивала, даже и тѣ тлѣвшіе огоньки, существованіе которыхъ, быть можетъ, онъ въ себѣ раньше и не цѣнилъ, а заскорбѣлъ о нихъ послѣ того, какъ на нихъ по-

сягнули. Холодный разумъ Ренана отнималъ у Суворина теплоту воспоминаній о его дѣтствѣ, о лампадкѣ, мерцавшей въ углу у иконъ, о призракахъ, которые тѣснились, обступая кровать, подъ вліяніемъ няниныхъ сказокъ,—все отнималось, весь этотъ благостный фетишизмъ, который согрѣваетъ даже невѣрующихъ стариковъ до конца ихъ дней. Атеистъ Суворинъ легко принялъ отъ Ренана разрушеніе Христа, но не могъ ему простить разрушеннаго уюта дѣтской, стужи не простилъ, которая исходитъ отъ разума и снизводитъ къ обыденному самыя милыя воспоминанія.

Это такъ типично для насъ, русскихъ, какъ ничто. Толстого упрекать за блажь, за волненіе «безъ толку»,—и не замѣтить, что у самого Богъ въ душѣ давно сидитъ, но не въ образѣ Судіи, какъ иногда мерещилось Толстому, а въ видѣ молчаливаго спутника, преисполненнаго благости, который вышелъ изъ свѣта лампадки, озарявшей дѣтскую, изъ смолистыхъ благоуханій рождественской елки, отъ уюта пасхальнаго стола, послѣ свѣтлой заутрени. Полюбить въ себѣ Бога только въ ту минуту, когда кто-нибудь со стороны безъ всякой бережности на него наступилъ—развѣ не въ этомъ наша типичная черта? И если проектировать на современныя событія это свойство нашей натуры, то развѣ не за то возненавидѣли мы нѣмца, что въ его разсудочной стужѣ почувствовали непримиримую враждебность къ теплющимся лампадкамъ, къ сказкамъ, которыя насъ обвѣвали, ко всей нашей дивной фантастикѣ, гдѣ струятся, а подчасъ и бушуютъ, духовныя волны?

Иногда, особенно по первому взгляду, кажется, что въ насъ кружитъ какой-то хаосъ, но стоитъ всмотрѣться, и тогда не трудно почувствовать волну духовной эманаціи, даже и въ тѣхъ фактахъ, внѣшнія формы которыхъ не обѣщаютъ ничего, кромѣ безнадежнаго развала. Убійца пойдетъ на преступленіе и помолится; мать задушитъ малолѣтняго сына, а потомъ,— какъ это было въ одной деревнѣ, — раскопаетъ могилу, покроетъ мертвому ребенку ротъ мхомъ, чтобы не кричалъ по ночамъ, и будетъ приходить каждое утро благословлять, но, въ концѣ концовъ, конечно, не выдержитъ и покается передъ міромъ; атеистъ начнетъ отрицать Бога, но непремѣнно съ такой пламенностью, которая былабы подъ стать вдохновеннымъ пророкамъ; сектантъ, въ минуту радѣнія, выбѣжитъ во дворъ, возьметъ полныя горсти земли и будетъ до крови тереть себѣ грудь въ порывѣ какого-то литургическаго безумія и экстаза. Но въ экстазѣ—отблески Бога. Есть секты, причащающіяся слезами, и вся ихъ жизнь проходитъ въ умиленіи, которое по словамъ Радаева, производитъ «слезы великія самодвижно»; у другихъ преобладаетъ радость жизни и они, послѣ радѣнія, «смѣются куда-то въ неопредѣленное пространство», и вѣроятно беззаботно, какъ переливаются радугой капли росы, встрѣчая солнце; есть, наконецъ, и такія, въ которыхъ сомкнулась тоска и ликованіе—въ народѣ ихъ называютъ «смѣхорыдающими». Чего только нѣтъ въ этой безконечно красивой странѣ, на каждомъ шагу въ ней созвучія, давно утраченныя Западомъ, и вездѣ—Богъ, многообразный и непонятный.

Наша вѣра, причудливая и своевольная, но всегда согрѣвающая, была удачно выражена въ одной изящной народной сказкѣ, которая, кромѣ того, предвосхитила важнѣйшую причину нашего расхожденія съ Западомъ. Случилось какъ-то — говоритъ преданье,—что Христосъ и св. Петръ странствовали по свѣту. Шли мимо одного дома, откуда раздавалось духовное пѣніе. Петръ заслушался, а Христосъ прошелъ мимо, бѣжалъ безъ остановки отъ этихъ молитвъ. Тогда Петръ, опомнившись, и видя, что учитель уже далеко, догналъ его и они снова пошли вмѣстѣ... Путь лежалъ черезъ село. И опять послышалась пѣсня, но на этотъ разъ простая народная пѣсня, быть можетъ раздольная, какъ поется за брагой. Петръ прошелъ мимо, а Христосъ остановился и слушалъ, и сколько разъ ни оборачивался апостолъ, онъ видѣлъ, что учитель все стоялъ, внимая простому напѣву съ прежнимъ упоеніемъ, будто незримые хороводы слились въ славословіи. Изумленный вернулся Петръ и, заставъ Христа въ прежнемъ оцѣпенѣніи, спросилъ: почему столько безучастія было къ духовнымъ стихамъ и такое вниманіе къ народной пѣснѣ? Христосъ отвѣтилъ: «тамъ не было и тѣни благоговѣнія, а здѣсь имъ полна вся пѣсня».

Мотивъ этой сказки пришелъ изъ Германіи... Быть можетъ этимъ однимъ уже многое сказано, во всякомъ случаѣ теперь ясна дорога, по которой шелъ Христосъ. Онъ бѣжалъ отъ духовнаго пѣнія Германіи, увидѣвъ, что тамъ нѣтъ благоговѣнія, и прошелъ въ наши села, къ этой безграничной шири, гдѣ все вмѣщается—отъ причащенія слезами, которыя струятся самодвижно,

до тихаго смѣха «куда-то въ неопредѣленное пространство»... Въ одномъ только сказка ошиблась: навѣрное не изъ простого дома раздавались духовные напѣвы, а изъ той лютеранской церкви, съ надстройками для ресторановъ и будуаровъ, которую легко было принять за домъ. Христосъ бѣжалъ не останавливаясь—объ этомъ говоритъ преданіе... И тѣмъ неудержимѣе бѣжалъ, что по пути ему вѣроятно попалось кладбище, гдѣ хоронили подъ плугъ и гдѣ ритмъ нефтяного двигателя былъ единственнымъ напутствіемъ мертвыхъ.

По этому же пути бѣжитъ теперь Западъ, проклиная культуру съ ея внѣшнимъ великолѣпіемъ, чтобы найти гдѣ-нибудь теплоту жизни. Отъ своихъ же завоеваній бѣжитъ, отъ достроенной Вавилонской башни... И въ этомъ бѣгствѣ онъ впервые открылъ Россію, какъ самую изумительную на свѣтѣ страну, въ которой такъ счастливо сочетались государственная мощь Запада и духовность Востока. Это было дѣйствительно громовымъ откровеніемъ и высшей милостью судьбы. Такъ безконечно долго — въ вереницѣ вѣковъ—отбѣгали другъ отъ друга подъ угломъ Западъ и Востокъ, но, вотъ, теперь, какимъ-то могучимъ тяжемъ схвачены двѣ самыя дальнія точки угла и стянуты... Новая линія связала разбѣгавшійся уголъ, замкнувъ его въ треугольникъ — этотъ изначальный символъ божественной гармоніи. Черезъ Россію пролегаетъ эта линія... Вотъ почему растерявшійся Западъ такъ неудержимо метнулся къ Россіи, неся къ ней свое покаяніе и свою челобитную.

«Васъ называли варварами»—восклицаютъ съ

ужасомъ англійскіе писатели въ своемъ покаянномъ воззваніи къ Россіи. «Но тогда — продолжаютъ они — надо спросить еще разъ, что подразумѣвается подъ словомъ: «культура» и «цивилизація»? Всѣ пророки, всѣ поэты въ томъ смыслѣ варвары, что они не примѣняютъ къ жизни мѣрки внѣшней культуры. И въ такое время какъ теперь, когда матеріальная цивилизація Европы намъ измѣняетъ и доказываетъ свою лживость, мы приходимъ къ сознанію, что поэты и пророки правы, и что мы должны какъ они и какъ ваши великіе писатели вновь посмотрѣть на жизнь съ простотою варвара или ребенка, если хотимъ вновь обрѣсти миръ и свободу и создать лучшую цивилизацію на развалинахъ той, которая теперъ распадается».

Въ этомъ небываломъ покаяніи все до конца досказано и ясно обозначился весь ходъ послѣдующихъ событій. Такъ просто, почти на инстинктахъ, начался этотъ гигантскій сдвигъ западныхъ народовъ! Простая сила отталкиванія заставляетъ Западъ отпрянуть отъ своихъ недавнихъ идеаловъ и промѣнять свои несмѣтныя богатства на первобытныя пѣсни дикаря, даже на его сумеречную душу, лишь бы вновь обрѣсти душевныя волненія, которыя, въ прошломъ, подвергались такому неистовому гоненію. Западъ несетъ свое покаяніе: онъ узналъ, наконецъ, «пользу того, что безполезно»... И теперь, на развалины прежней цивилизаціи возводится «поэтъ и пророкъ», и уже приготовились паломники съ Запада, чтобы двинуться къ «Вершинѣ ста цвѣтовъ», гдѣ сліяніе съ природой и красота.

Пролегавшая по исторіи трещина отнынѣ выравнивается, и если вѣка работали надъ ея размывомъ, углубляя дно и раздвигая берега, то теперь легіоны брошены для ея заполненія, и горы размокаютъ отъ крови. Жертвы неисчислимы, всѣ участники западной культуры вносятъ свой выкупъ, вся Европа въ траурѣ, но не соотвѣтствуетъ ли огромность жертвъ той мгновенной перемѣнѣ на землѣ, которая почти свершилась и во всякомъ случаѣ такъ ясно намѣтилась, что уже нѣтъ сомнѣвающихся въ грядущемъ чудѣ? И если такъ, тогда небывалая въ исторіи война искупается тоже небывалымъ въ исторіи чудомъ. Тогда налегшая на землю безъисходная скорбь — ея громкія стенанія или тихія слезы, невидимо оброненныя гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ людей—вся эта непостижимая скорбь откликнется въ радости. Ни одинъ кусокъ траурнаго крепа, ни одна самая легкая рана и ужъ, конечно, ни одна смерть, хотя бы случайная, не будетъ давить и роптать, тяготясь своею непристроенностью въ общемъ круговоротѣ вселенной, но всѣ пойдутъ къ великому творчеству. «Моя Осанна черезъ горнило испытаній прошла», — писалъ Достоевскій Майкову и не договорилъ, какъ истину общеизвѣстную, что Осанна должна быть тѣмъ восторженнѣе, чѣмъ тяжелѣе испытанія. Жертвы Запада неисчислимы,—какъ великолѣпна и торжественна будетъ его «Осанна»!

Такъ возникаетъ великій синтезъ изъ безчисленныхъ потоковъ крови, такъ сплавляются два міра въ небываломъ раскалѣ войны. Вотъ почему радость сопутствуетъ войнѣ, превозмогая скорбныя тѣни... И, конечно, потомъ тоже

будетъ радость, когда Западъ украситъ духовный міръ всѣми цвѣтами, какіе только существуютъ на землѣ, обовьетъ его всѣми грезами, на какія только способенъ человѣкъ, поднявшійся къ вершинамъ.

Какъ чудесна эта война! Въ гигантскомъ горнѣ сплавляются два міра, чтобы человѣчество впервые за всю свою долгую жизнь услышало гармонію сферъ...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА